
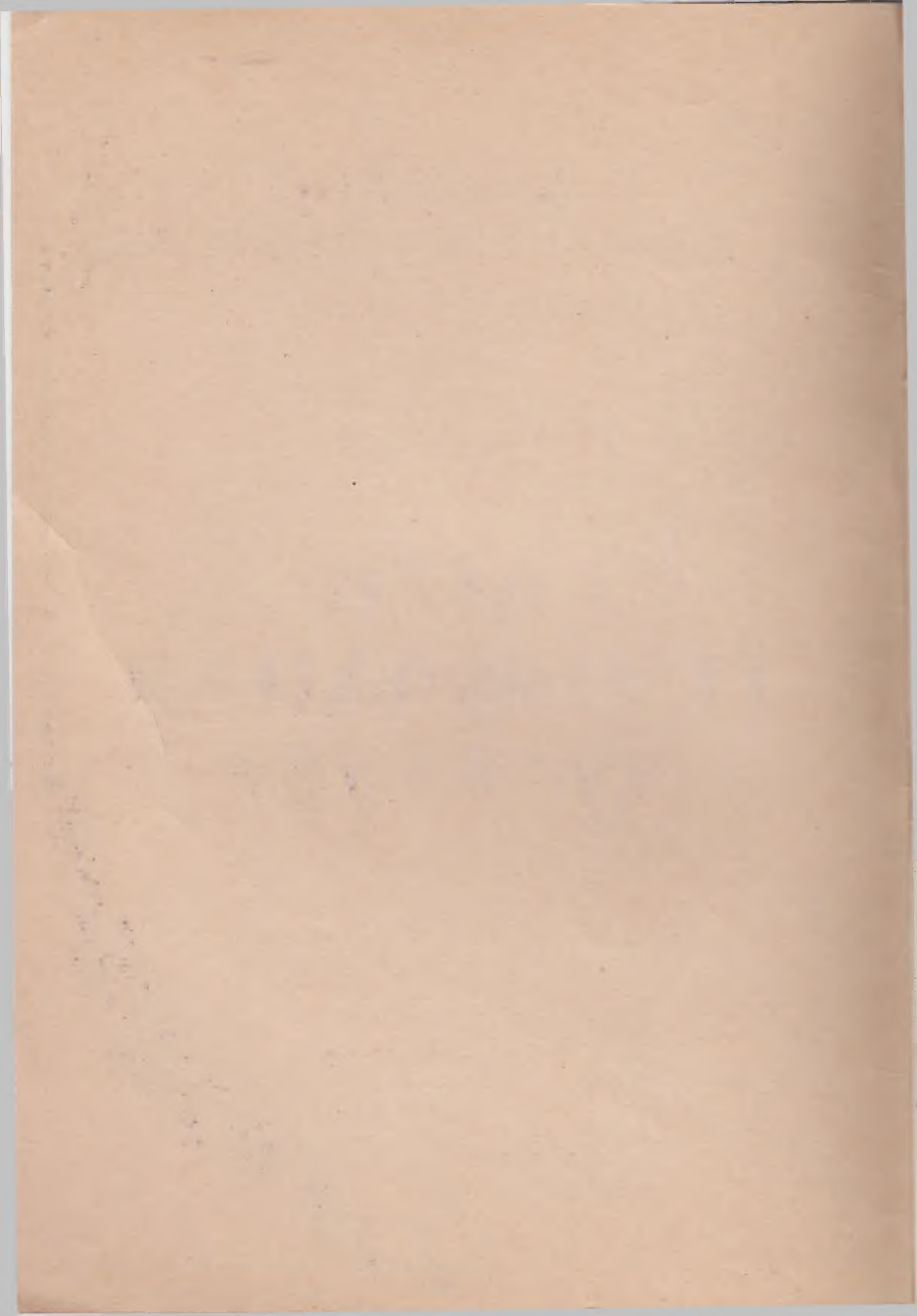

ФОЛЬКЛОР
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ДЕТИ
И НАРОДНАЯ
КУЛЬТУРА

ИРКУТСК

Всероссийское музыкальное общество
Комитет по культуре Иркутской областной администрации
Научный Совет по фольклору АН России
Областной центр народного творчества и досуга

Фольклор Иркутской области

Выпуск 1

ДЕТИ И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

Иркутск. 6-е Виноградовские чтения

Москва
1995 г.

В течение нескольких лет коллектив Областного центра народного творчества и досуга совместно с работниками культуры на местах, активно проводят научно-исследовательскую и экспедиционную работу по программе: "Возрождение, сохранение и развитие народной традиционной культуры Иркутской области".

Собран богатый материал по народным традициям, обычаям, обрядам, ремеслам, музыкально-песенному фольклору народов, населяющих область, что позволяет нам начать издание сборника "Фольклор Иркутской области".

Первый выпуск посвящен нашему замечательному земляку Г. С. Виноградову, выдающемуся собирателю и исследователю детского фольклора, труды которого актуальны и сегодня.

В последующих сборниках будут публиковаться материалы по результатам фольклорно-этнографических экспедиций: историческая справка районов Приангарья, подлинные образцы песенного, устного и танцевального фольклора, методика возрождения старинных праздников, обычаев, обрядов, сценарии наиболее крупных мероприятий. Здесь же — информация об интересных народных промыслах и художественных ремеслах, истории народного костюма.

Надеемся, что наши издания помогут вам получить представление о содержании традиционной культуры, ее основных элементах, расширить репертуар для фольклорных коллективов, обогатить его интересными старинными образцами песенной культуры Сибири.

Выражаем признательность и благодарность тем, кто помогал нам собирать материалы и сделал возможным выход первого сборника из планируемой серии.

Л. А. СЫРЦОВА
Директор Областного центра
народного творчества и досуга.

Научный редактор — доктор филологический наук, профессор Е. И. Шастина

Д 38 Дети и народная культура: Иркутск. 6-е Виноградовские чтения. 13 — 16 мая 1992 г./
Науч.ред.доктор филол. наук, проф. Е.И. Шастина.-Иркутск: Иркутский областной
центр народного творчества и досуга, 1995.

Георгий Семенович Виноградов (19 апреля 1886 — 17 июля 1945), уроженец земли иркутской, был выдающимся собирателем и исследователем детского фольклора. Сын тулуновского крестьянина, он посвятил свой талант в сущности одному — изучению традиционной народной культуры. Уже в 20-е г.г., сделавшись профессором Иркутского университета, Г. С. Виноградов встал вровень с крупнейшими учеными — этнографами России. Его труды по фольклору и этнографии детства заполнили значительный пробел в русской науке и продолжают стимулировать целое направление современной научной мысли.

Мемориальные "Виноградовские чтения" — не только благодарная дань памяти нашему замечательному соотечественнику. Это еще и счастливая ежегодная возможность для ученых — культурологов всей страны — собраться под знаменем виноградовских идей и начинаний, чтобы обсудить насущные проблемы детской субкультуры. В 1992 г. состоялись такие Чтения и в Иркутске, городе научной славы Г. С. Виноградова. В этой связи было уместным дополнить некоторые доклады и сообщения земляков Г. С. Виноградова мемуарно-документальными материалами, относящимися к иркутскому, ленинградскому и алма-атинскому периодам жизни ученого, — они неизвестны широкому кругу научной общественности.

Г. С. ВИНОГРАДОВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ЭТНОГРАФ

Накануне Октябрьской революции в Иркутске встретились два учителя. Один из них приехал с правобережья Ангары, из бурятского улуса Бильчир. Это был Матвей Николаевич Хангалов. Другой, Георгий Семенович Виноградов, — из города Тулуна. Они быстро нашли общий язык. Оба живо интересовались этнографией и народной педагогикой.

Виноградов тогда только что экстерном получил право на педагогическую деятельность, а за плечами Хангалова был многолетний опыт работы в школах Закулея, Кудинской и Осинской долин приангарской Бурятии. К тому же Матвея Николаевича хорошо знали не только в Иркутске, но и в Петрограде, Париже как выдающегося ученого-этнографа и фольклориста. Георгий Виноградов особенно интересовался этой стороной в многогранной деятельности бурятского просветителя. Он уже был знаком по запискам Восточно-Сибирского отделения русского географического общества с его многими публикациями по обычаям, обрядам, играм бурят, их шаманским верованиям. Его привлекали уникальные исследования Хангалова по традициям унгинских бурят.

Хангалов дал совет молодому учителю Виноградову съездить в Забайкалье, к агинским кочевникам:

— Там вы найдете целый клад по этнографии нашего народа.

Возглавляя этнографическую экспедицию в шестидесятые годы, в агинских степях, я встречал стариков, которые припоминали, как приезжал к ним один молодой русский человек. Он вел себя довольно странно. Бывал в кочевых юртах скотоводов и заводил с малыми детьми и подростками затейливые игры. Заставлял детей играть, а сам старательно все, что делают ребята, записывал и срисовывал. Бывал он в Таптанае, Шапдале, Узоне, на Ононе, Харашибири, Загалае.

А время тогда было беспокойное. Только что изгнали японских захватчиков. Еще кое-где бродили остатки разгромленных семеновских банд. Русский гость без страха заходил в каждую войлочную юрту, где росли малыши, находил с ними общий язык. Ребятушка ходила за ним гурьбой, а он наблюдал, как и чем играют бурятские дети. Порой сам резвился с ними, вставал в круг прыгающих, просил затейников показать еще и еще раз новую игру. Юным агинцам полюбили гость, путешествующий по кочевым стойбищам. Они, радуясь, говорили родителям:

— Взрослый дядька, а с нами прыгает, скачет, смеется.

Этого странного человека звали Георгием Виноградовым, приехавшим сюда по совету М. Н. Хангалова.

Г. С. Виноградов родился в заштатном городишке Тулун. В приангарской Бурятии этот город прозвали Кожаный мешок от бурятского значения слова “тулун”. Отец Виноградова, Семен, был известным на всю округу ямщиком. Бывало, когда зазвенят бубенцы под дугой на Балаганском тракте, на почтовых станциях говорили: “Это, наверное, скачет на своих гнедых Семен Виноградов”.

Не случайно этот ямщицкий сын из сибирского городка свой жизненный путь посвятил научному поприщу. Еще до Октябрьской революции в Тулуне существовал краеведческий кружок, который именовал себя довольно претенциозно — обществом по изучению старины. В нем состояло до ста членов. Его участники вносили членские взносы, предназначенные для помощи тем, кто займется серьезным изучением сибирских древностей. Краеведы Тулуна были связаны с ВСОРГО — Восточно-Сибирским отделением Русского географического общества. Они интересовались устными рассказами бывалых людей о русских переселенцах в Приангалье, изучали бытовую уклад, религиозные воззрения и исторические предания аборигенов Сибири, особенно самого большого коренного народа края.

Тулунское общество по изучению старины, а также советы М. Н. Хангалова и породили у Георгия Виноградова стремление к изучению детского фольклора и игр у агинских бурят Забайкалья и Даурии. Он был подлинным интернационалистом, поборником равноправия и дружбы народов, много сил отдал изучению самобытной культуры и быта бурятских народных игр.

В 20-е годы Георгий Виноградов явился к видному деятелю Иркутского губревкома Михею Ербанову и поделился своими впечатлениями о поездке в агинские степи. В те дни Михей Николаевич был всецело поглощен делами по созданию советской автономии у бурят.

Ербанов живо заинтересовался научными поисками Виноградова и попросил его скорее

представить свою рукопись для издания. Через год в Иркутске отдел народного образования Бурятской автономной области Российской Федерации опубликовал работу Георгия Семеновича "К изучению народных детских игр у бурят".

Часть тиража Виноградовской книги была послана в г. Читу в дар другой Бурятской автономной области, которая в ту пору входила в состав ДВР — Дальневосточной республики. Здесь она распространялась в тех самых войлочных юртах, где Георгий Семенович так тщательно собирал игровые сюжеты детворы агинских бурят. Как бы обрадовался М. Н. Хангалов этому исследованию, но его уже не было — он скончался в 1918 году.

Названная работа послужила для Виноградова счастливым стартом, открывшим ему дорогу в большую науку. Отталкиваясь от детских игровых забав, он в 1930 году в Иркутске выпустил исследование по детскому фольклору. Всего на эту тему он задумал написать семитомный труд. А перед этим в 1923-1926 годах в том же Иркутске он принимает деятельное участие в выпуске журнала "Сибирская живая старина".

В дальнейшем Георгия Семеновича живо заинтересовала народная педагогика. В ней он пытливо изучал воспитательный опыт, отложившийся в устном творении простолюдинов, их обычаях, обрядах, детских играх и игрушках. В народном воспитательном опыте он скрупулезно искал материал, доказывающий, что дурное воспитание неизменно ухудшает характер будущих поколений. Недаром крупный литературовед и педагог доктор филологических наук С. Н. Дурылин подчеркивал, что этнография для Георгия Семеновича была наукой о живом бытии отдельных групп и даже отдельных возрастов народа — так "глубоко верны, ценны, характерны его работы о детях в их живом быте, играх, песенках, в их лирике и сатире. Я высоко ценю эти работы и, думаю, что в этой области Г. С. Виноградову принадлежит первое место" (1).

Георгий Семенович, занимая профессорскую кафедру в Иркутском университете, позднее работал в Институте русской литературы в Ленинграде (Пушкинский дом), при содействии Географического общества не прекращал своих полевых исследований, чтобы представить себе энциклопедический характер его научных поисков, достаточно назвать такие его работы, как "Детский народный календарь", "Русский детский фольклор", "Детский фольклор и быт", "Детские тайные языки", "Краткий обзор этнографических изучений", "Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири".

На его университетских лекциях рядом со студентами сидели врачи, педагоги, слушатели художественной студии. Он нередко выступал с публичными лекциями в краеведческом музее. Все свободное время отдавал камеральной обработке своих полевых наблюдений. Недаром же он замахивался на семитомный труд по детскому творчеству. Его полевых материалов с лихвой хватило бы на огромную серию по сибирской этнографии, фольклору и народной педагогике. Однако "князьям" университетской науки не ко двору пришелся этот пытливый труженик. Они косились на человека, который свою научную карьеру начинал с нелегких поисков игровых сюжетов в кочевой юрте.

От Виноградова постарались избавиться в университете, но он нашел пристанище для научной деятельности в стенах Пушкинского дома. Ему было не привыкать к преследованиям за свежую мысль. Еще до революции Виноградов свое образование получил в тюремном университете. В 1905 году его выгнали из духовной семинарии, как неблагонадежного за участие в нелегальном кружке. Он тогда восемь лет просидел в заключении. Вот что он записал в своем тюремном дневнике:

"1905 год. Выгнали из семинарии. Знакомство с вопросами философии и общественности".

"1906 год. Вопросы психологии".

"1907 год. Мечта об учительстве. Экзамен на учителя".

"1908 год. Встреча с товарищами по семинарии. Занятие ботаникой. Арест. Биология, зоология, астрономия, английский язык".

В тюрьме Георгий Семенович упорно работает над своим самообразованием. Вот что он записал в своем дневнике: 31 декабря 1909 года:

"Ну, а ты, старый год, дотягиваешь свои тридцать минут... Встретил тебя в тюрьме. Ты скоро промчался. Ты ознакомил меня с английским языком, но мало ... Ты ввел меня в изучение математики, познакомил с геодезией и черчением, помог доконать физику. Ты послал Беатриче и тем усилил жажду работать над собой".

Жизнь на воле у Георгия Семеновича связана с родным Тулуном. В местном музее хранилась фотография 1919 года, на которой был запечатлен коллектив тулунских учителей и

учащихся городского училища. Среди них учитель Георгий Семенович. Он в очках. На нем простая косоворотка. Длинные волосы ниспадают на обе стороны. В крупных чертах лица и во всем обаятельном облике его нетрудно угадать высокий интеллект умного сельского интеллигента. Он всей душой любил сельскую жизнь, неторопливый деревенский уклад. "Я скучаю по народной речи, по деревенской простоте. Я люблю семейный дух — от него веет здоровьем и народной мудростью", — писал Виноградов о себе.

Четверть века назад в "Сибирских огнях" появилась зарисовка Дины Сизых по поводу одного его доклада: "Докладчик, хмурия свои густые брови, читает неторопливо. Это молодой учитель, в школе работает первый год, и на районном учительском съезде, созванном в Тулуне, первый раз выступает с докладом. Но он держится уверенно, с достоинством. Чувствуется, что тему "О воспитании нового советского человека" отработал серьезно. Вдруг, не торопясь, он поднял голову и удивился, словно только увидел, что людей собралось так много, все места заняты, даже несколько человек стоят у окна. А большую часть составляла молодежь. Горячо и долго спорили. Вопрос о формировании нового человека явился тогда, в первые годы советской власти новым. Каждый по-своему подходил к нему" (2).

Секрет успеха в педагогических воззрениях Виноградова надо искать в том, что он одним из первых советских ученых выступил за умелое использование в школе народного творчества: детских игровых сюжетов, песен, сказок, пословиц и поговорок. В этом духовном сокровище людей он умно отыскивал памятники народной педагогики. Первыми в его бесценных научных находках были детские игры в войлочных юртах Аги, а еще раньше он на них обратил внимание в кочевьях унгинских бурят, современного Нукутского района, где ему довелось бывать в детстве с отцом, проезжая в почтовой повозке под звон колокольцев в уездный Балаганск и обратно в свой родной Тулун.

Полевые записи этого ученого, особенно ценны его дневники о поездке к агинским бурятам в начале двадцатых годов, долго хранились в филиале Иркутского государственного краеведческого музея в городе Тулуне. И вдруг вся эта уникальная Виноградовская экспозиция таинственно исчезла (3). В начале 90-х годов городская газета Тулуна "Путь к коммунизму" подала об этом тревожный сигнал, но никто не удосужился заняться розыском похитителей драгоценного наследия этого выдающегося ученого-просветителя и исследователя народной культуры.

Долгие десятилетия имя Г. С. Виноградова было предано почти полному забвению. Ни разу не переиздавались его труды. А так как большинство из них вышло в свет в Иркутске в далекие двадцатые годы, то читатели могут получить их не в каждой республиканской или областной библиотеке. Что мы знаем о жизни ученого? Очень мало. Даже о годе рождения ведутся споры: то ли 1886, то ли 1887.

Только в последние годы пробудился интерес к научному наследию Г. С. Виноградова. Наконец, изучение детского фольклора и этнографии в стране получает широкое распространение.

Примечания

1. Воспоминания С. Н. Дурылина о Г. С. Виноградове // Архив Иркутского государственного объединенного музея. Ф.13279. Ед.хр. 100. Л. 129.

2. "Сибирские огни", № 4, 1963.

3. См. наст. изд., с. 11 — Примеч. ред.

Г. С. ВИНОГРАДОВ. НЕКОТОРЫЕ АКЦЕНТЫ В ИЗУЧЕНИИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

В последние годы появилось довольно много работ историографического характера, посвященных анализу творческого пути и научного наследия Г. С. Виноградова. Тем не менее в его научной биографии остается еще много белых пятен.

В отечественной этнографии и фольклористике имя Г. С. Виноградова связывают в основном с этнографией детства и народной педагогикой. В постановке и разработке этих научных направлений ученому безусловно принадлежит приоритет. Внимание прежде всего к этим вопросам отличает организаторов и участников Виноградовских чтений.

Однако для более глубокого понимания особенностей научного творчества Г. С. Виноградова нужно иметь в виду, что доминирующей темой в его исследованиях была тема о "судьбах славянского племени в Сибири". Детская проблематика, имеющая самостоятельное значение, должна была войти в качестве существенного компонента в более обширную тему о "судьбах". Вот чем, на наш взгляд, объясняются столь разнообразные научные интересы Г. С. Виноградова.

Г. С. Виноградов представлял так называемое "родиноведческое" направление в русской этнографии. В Сибири родиноведческие исследования начались довольно поздно, основное внимание этнографы уделяли изучению коренных сибирских народов.

Г. С. Виноградов продолжил в Сибири дело П. А. Ровинского, долгое время работавшего среди южных славян, а затем специально приехавшего в Сибирь, чтобы проследить эволюцию культурного типа славян на границах расселения с теми народами, в отношении которых, по мысли автора, славянский тип сам выступил "цивилизующим" элементом.

В бытность свою в Петрограде Г. С. Виноградов слушал лекции этнографов разных научных школ и направлений: Л. Я. Штернберга, В. И. Иохельсона, А. А. Макаренко, В. Н. Харузиной. Судя по воспоминаниям С. Н. Дурылина, именно тогда Г. С. Виноградов переживал глубокий духовный кризис, что заставило его обратиться к философии и религии. Все это вместе — размышления над философскими вопросами бытия и поиск своего собственного пути в науке, поиск новых подходов к изучению народной жизни, привели Г. С. Виноградова к мысли о том, что необходимо целостное изучение народной жизни и быта, что существует народная философия, народные философские воззрения. Он относил к философии все, что ведет к обоснованию, построению и углублению мирозерцания. Отсюда возникло стремление к целостному изучению народной жизни и быта (он считал, например, деление культуры на материальную и духовную "промахом" этнографов): вопросов ритма и смысла народной жизни, назначения человека в мире и воспитании нового поколения, причин и сущности болезней и т. п. Все эти темы позже заняли значительное место в научном творчестве Г. С. Виноградова, который, решая сложную задачу о "судьбах", объективно пришел к синтезу родиноведческого и классического направлений в этнографии, изучая проблемы культурных взаимовлияний, аккультурационные процессы в языке, быте, верованиях...

Отношение к этнографии было у Г. С. Виноградова трепетным. Необходимой составной частью этнографии он считал фольклорные изучения. В одном из писем он замечал: "У этнографа — сказка. Разве сказка может высушить? У этнографа — былина. Разве былина мертва? У этнографа — песни. Разве в песне — не жизнь? У этнографа — обряд. Разве обряд — не отражение живой веры?.. Это — единственная наука, которая входит в сокровенные тайники народной души" (1).

Постижение народной "души", попытка понять самый "дух" народа (понятие, которым в 1920-е г. оперировала этническая психология), исследование народной жизни во всех многообразных формах ее проявления, которые не укладываются в узкие рамки отдельных наук, — вот главная, по мысли Г. С. Виноградова, задача этнографа. Ощущая жизнь как вечное течение, т. е. рассматривая ее диалектически, ученый считал, что исследовать ее нужно в динамике, развитии, соответственно признавая в необходимые моменты в этнографии "пересмотр и задач, и объема, и — в особенности — методов работы" (2).

В своей полевой работе Г. С. Виноградов использовал методы длительного включенного наблюдения, опроса, работу по программам. Ученый также подчеркивал, что во всех его работах сыграли большое значение детские воспоминания. Собранные им сведения тщательно проверялись и перепроверялись: "этнограф отвечает своим именем за каждый

новый факт, который его посредством попадает в научный оборот”, — эти слова были особо выделены в одной из его программ (3).

Ареал этнографических полевых исследований Г. С. Виноградова был обширен: Чунский, Тункинский края, Тулунский уезд Иркутской губернии, южная часть Акмолинской области, Енисейская губерния, Забайкалье.

Главными результатами работы ученого были не только сбор и публикация новых полевых материалов, но и их анализ, постановка и разработка новых научных тем, выработка оригинальных методик.

В 1930-х годах, работая в основном над фольклорными темами, Г. С. Виноградов не оставил дела всей жизни: “Судьбы отнимают у меня теперь дневные часы, занимают ночные мечты...” В осуществлении замысла ученому помогал П. К. Симони. Работа, задуманная в нескольких томах, не была закончена и в таком виде погибла в 1942 г. во время бомбежки: “... ни в Ленинграде, ни в Павловске у меня не сохранилось ничего ... Все книги, все бумажонки с записями, все работы, — все, что делалось 29 лет, все погибло. Что это значит, Вы прекрасно понимаете”, — писал он М. К. Азадовскому (4).

Значителен и до сих пор еще до конца не оценен вклад ученого в развитие этнографии и фольклористики, в изучении судеб русского народа в Сибири. В небольших по объему тезисах мы не ставили целью дать подробный анализ этнографических работ, методик ученого. Это предмет специальной большой статьи. Мы лишь хотели акцентировать внимание исследователей на тех сторонах научной деятельности Г. С. Виноградова, которые, на наш взгляд, требуют углубленного изучения.

Если рассматривать опубликованные работы Г. С. Виноградова, которых насчитывается более 70-ти, как своеобразный набросок его будущей книги о “судьбах”, работы, изобилующие первоклассными этнографическими и фольклорными фактами, глубоко анализирующие поставленные к исследованию темы, написанные безукоризненным по чистоте и стилю русским языком, — можно с уверенностью констатировать, что русская этнография и фольклористика потеряла труд, аналога которому, по-видимому, до сих пор нет.

Не менее значительной представляется сама личность Г. С. Виноградова, которого отличали скромность большого ученого, требовательное отношение к себе и своим работам, бескорыстное стремление поделиться своими глубокими знаниями и т. п.

“Встречи с ним, — вспоминал писатель, искусствовед и религиозный мыслитель С. Н. Дурылин, — всегда раскрывали что-то светлое и новое в том человеке, с которым он встречался, и он первый радовался тому, что в тяжелой руде человеческого бытования и бывания находил чистое золото человеческого бытия, — будет ли это бытие ребенка или целого народа” (5).

Примечания

1. Из личного архива В. В. Комина (Иркутск).
2. Виноградов Г. С. Этнография и современность // Сибирская живая старина.— 1928. Вып.— 1-11. С. 3.
3. Виноградов Г. С. К изучению народной медицины у русского населения Сибири (инструкция и программа).— Иркутск.— 1923. С. 12.
4. Письма Г. С. Виноградова М. К. Азадовскому // Литературное наследство Сибири.— Новосибирск.— 1969.—Т. 1. С. 206.
5. Воспоминания С. Н. Дурылина о Г. С. Виноградове // Архив Иркутского государственного объединенного музея. Ф. 13279. Ед.хр.100.Л.129.

Г. С. ВИНОГРАДОВ. ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ ВОСТОЧНОСИБИРСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Значимость любого общественного явления, в том числе и судьбы отдельного человека, помимо конкретно личностной весомости, определяется и тем, что взшло после него на той ниве, которую он возделывал. В этом смысле научная судьба Г. С. Виноградова сложилась необычайно счастливо. И для этого были все основания.

Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что сильный и разносторонний талант ученого становился и мужал в благоприятной обстановке: вначале — превосходная Петербургская школа (Штернберг, Макаренко, Иохельсон), затем — практическая работа в Сибири. И это обстоятельство — Сибирь — весьма существенно.

Все дело в том, что к этому времени в Сибири, и в частности в Восточной, сложились совершенно определенные добротные традиции в изучении фольклорно-этнографического богатства края. Одна из них заключалась в том, что с самого начала становления фольклористической науки в Сибири интересовались устно-поэтическим творчеством своих земляков не только профессионалы, но люди самых разных специальностей. Пожалуй, можно сказать, что фольклор в те годы являлся как бы своеобразной лакмусовой бумажкой, проявляющей талантливость и неординарность Личности.

Это писатели: И. Т. Калашников, Н. Щукин, Н. Бобылев, Е. А. Авдеева-Полевая; енисейский губернатор Д. П. Степанов, чиновник Н. А. Костров, медик-краевед Н. И. Кашин, кяхтинский приказчик Н. П. Протасов, нерчинские любители и собиратели фольклора М. А. Зензинов, В. П. Паршин, И. А. Юренский. Это удивительная подвижница фольклорного дела — учительница М. В. Красноженова, собравшая свыше 5 тыс. разных устно-поэтических текстов; такие известные фигуры как А. П. Щапов, историк, этнограф и публицист П. А. Ровинский, беллетрист Н. М. Астырев, один из крупнейших этнографов того времени Д. А. Клеменц, издатель и редактор г. "Сибирь" Н. М. Ядринцев, известный журналист и общественный деятель В. И. Вагин, И. И. Попов — литератор и общественный деятель, писатель В. Я. Шишков и др.

Со второй половины XIX в. к фольклорно-этнографическим исследованиям приобщается политическая ссылка. Из ее среды в основном формируется первая стационарная этнографическая экспедиция, снаряженная кстати на средства иркутского купца А. М. Сибирякова.

И, наконец, с начала нашего столетия изучением фольклорной традиции Сибири начинают заниматься ученые-профессионалы: А. А. Макаренко, Г. Н. Потанин, М. К. Азадовский, Г. С. Виноградов.

Хотелось бы также подчеркнуть, что созданный в Иркутске в 1851 г. Отдел Русского Географического общества патронировал генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н. Н. Муравьев-Амурский. Вот любопытнейшая выписка из заседания Сибирского Отдела РГО от 21 мая 1857 г.: "Милостивые государи, Сибирский Отдел Императорского Русского Географического общества нынешний день празднует тезоименитство государя великого князя Константина Николаевича, своего Августейшего председателя. В этот торжественный день мы положили отдавать наш отчет Обществу..." И далее: "... собрание это изволил посетить Преосвященный Евсевий, Епископ Иркутский и Нерчинский и многие из духовных лиц, граждан и чиновников г. Иркутска" (1,2).

Деятельное участие в работе Общества принимали и декабристы. Всех перечислить невозможно. Каждый из упомянутых и неупомянутых здесь людей — яркая индивидуальность.

Конечно, между перечисленными были расхождения во мнениях и оценках, касающихся особенностей устно-поэтического творчества сибиряков и, в частности, своеобразия его носителей. На всех этих проблемах останавливаться нет необходимости. Важно подчеркнуть другое: перечисленных людей объединяло главное: несанкционированный интерес к фольклору и методологические принципы его изучения: устно-поэтические произведения рассматривались в добротном этнографическом контексте. Именно пристальный интерес к быту, нравам, мироощущению людей, внимание к народным приметам, педагогике, психологии, медицине и т. п. — отличает этот период фольклористической науки.

Полистайте страницы сибирской периодической печати тех лет: "Иркутские губернские ведомости" (неофициальную часть), "Иркутские епархиальные ведомости", журналы "Сибирский архив", "Сибирскую живую старину" и др. издания, вплоть до "Медицинской газеты" — и вы убедитесь в этом.

После 30-ых годов интерес к этнографическому контексту в официальной русской

фольклористике значительно ослабевает. Возможно, это связано с определенным отношением в те годы к некоторым жанрам. Такие, например, из них как заговор, поверья, гадания, приметы и др., особенно обряды, попадают в ранг “отверженных”, “пережиточных”, якобы давно ушедших и невозможных в “нашей юной прекрасной стране”.

Но все-таки удивительно, до чего история развивается по кругу. Конечно, всякий следующий виток несет печать своего времени, но вместе с тем многое повторяется и из прошлого.

Вообще-то процессы затухания и усиления интереса к фольклору имеют свою типологию. Думается, это обусловлено повторяемостью (в том числе) общественно-политических ситуаций (в какой-то мере, безусловно, и в каких-то чертах): накалом общественно-политических страстей, когда, разуверившиеся в идеалах и уставшие души иногда, может быть, интуитивно обращаются к чистым родникам народной мудрости, к их неторопливому течению мысли, ясному прямодействию и нравственной определенности.

Скорее всего, именно поэтому в последние годы наблюдается все возрастающий интерес к народному искусству.

При этом эпоха возрождения в фольклористике знаменуется не только тягой к народному творчеству также людей самых разных профессий, но возрождением подходов и принципов его изучения. Конечно, процесс этот проходит не без борьбы. Между учеными идут жаркие споры о соотношении фольклора и этнографии (2). И все больше и больше заявляет о себе именно виноградовская нива в широком смысле — как школа — и в центральной России, и в Сибири. Основная методологическая установка этой школы сводится к “необходимости глубинных соотнесений фольклора ... с различными сторонами социальной, трудовой деятельности, семейной жизни, ритуальной практики, комплекса представлений о мире и т. д.” (3). Хотя к слову нужно сказать, что многие из фольклористов никогда от этих принципов и не отказывались.

Поскольку я представляю Иркутский государственный педагогический институт, хотелось бы кое-что сообщить об его фольклористической работе именно как продолжении традиций, заложенных нашими предшественниками и, прежде всего, Г. С. Виноградовым и М. К. Азадовским. Кстати Виноградов приступил к работе в Иркутске в должности доцента педагогического факультета Университета, который потом отпочковался в пединститут. Этот дает нам робкое и гордое право считать фольклористическую деятельность Виноградова в Иркутске и в нашем вузе своими историческими корнями.

Так вот. Изучение фольклорной традиции Восточной Сибири было начато экспедициями ИГПИ в 1966 г. и планомерно и систематически ведется почти уже 30 лет.

За этот период преподавателями и студентами вуза были обследованы многие десятки сел по р. Лена и ее притокам, Нижней Тунгуске, в низовьях Индигирки. На этой обширной территории, равной по площади нескольким европейским государствам вместе взятым, были записаны сотни прекрасных текстов, выявлены десятки мастеров устного народного слова, и в том числе такого редкого жанра как сказка.

Собранные материалы получили выход не только в научный мир, но и к широкому читателю: более десятка книг, многочисленные очерки и статьи.

Нам приятно сознавать, что студенты ИГПИ вносят реальный вклад в современную фольклористику. Я имею в виду “Сказки Приленья” — коллективный студенческий труд, вышедший несколько лет тому назад, а также участие студентов вместе с преподавателями кафедры в подготовке шестидесятитомного академического свода “Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока”, первые книги которого уже увидели свет.

Завершая этим свое выступление, хочу подчеркнуть, традиции сибирской фольклористики, заложенные в свое время учеными прошлого, позволяют двигаться дальше. Сформулированные ими концепции находят постоянное подтверждение в живой экспедиционной работе. Последняя в свою очередь способствует дальнейшему развитию и углублению взглядов наших предшественников и в том числе Георгия Семеновича Виноградова, которого мы с полным основанием почитаем своим Учителем.

Примечания

1. Иркутские губернские ведомости. Неофициальная часть. — Иркутск. — 1857. — № 2.
2. См. сб. материалов Всесоюзной научной конференции “Современное состояние и задачи советской фольклористики (Москва, 2-4 сентября, 1986). — М. — 1986.
3. Путилов Б. Н. Актуальные проблемы сравнительно-исторического изучения песен/ Основные положения// Народное песенное наследие и современность. — Рига. — 1984.

ИРКУТСКИЙ ЖУРНАЛ “СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА”

В сибирской журналистике довольно прочно сложились традиции выпуска краеведческих (исторических, фольклорных, этнографических) изданий. Уже в 1790 г. появился в Тобольске “Журнал исторический, выбранный из разных книг”. В 1818 — 1827 г.г. в Петербурге Г. И. Спасский выпускал “Сибирский вестник” и “Азиатский вестник”. В 1885 — 1905 г.г. при газете “Восточное обозрение” выходил журнал “Сибирский сборник”. И, наконец, в самый канун революции, в Минусинске осуществилось издание “Сибирского архива” и “Сибирской летописи” (1911 — 1916 г.г.).

Однако размах краеведческих исследований в конце XIX — начале XX в.в. был так велик, что для этого не хватало ни указанных специализированных органов, ни изданий типа “Записок”, “Трудов” и “Известий” Сибирского Отдела Русского Географического Общества (СОРГО) и ВСОРГО. Поэтому во всех крупных газетах Сибири (“Сибирь”, “Сибирская газета”, “Восточное обозрение”, “Сибирская жизнь”, “Енисей” и др.) можно было всегда обнаружить целые россыпи статей, корреспонденций, очерков, зарисовок на краеведческие темы, подготовленных усилиями местной интеллигенции и политической ссылки.

Революционные события 1917 года и гражданская война практически привели к свертыванию всей издательской деятельности сибирских отделов РГО. Лишь в 1921 г. был выпущен один номер “Известий ВСОРГО”. В этих трудных условиях наш земляк, замечательный краевед Г. С. Виноградов вместе со своими коллегами М. К. Азадовским и преподавателем ИГУ М. В. Муратовым решили проявить инициативу и выпустить этнографический сборник ВСОРГО в Иркутске. К тому времени они имели определенный опыт участия в газетах и журналах, где они выступали со своими материалами. Например, еще летом 1917 г. Г. С. Виноградов сотрудничал в первой педагогической газете Сибири “Думы забайкальского учителя”. В 1922 г. в газете “Власть труда” (Иркутск) часто публиковались краеведческие материалы и, возможно, что Г. С. Виноградов и М. К. Азадовский были их авторами.

Новый сборник ВСОРГО вышел в 1923 г. и получил название “Сибирская живая старина”. Своим названием он уже заявлял о преемственности традиции — выпуска в России знаменитого журнала “Живая старина” (1890-1916 г.г.). Содействие в выпуске сборника оказали Д. А. Болдырев-Казарин, А. Н. Губанов, П. Г. Плеханов, А. Н. Топорнин. Из-за нехватки материальных средств у ВСОРГО пришлось прибегнуть к сбору объявлений, коммерческой рекламы. Поэтому все авторы работали безвозмездно, а тираж был крохотный (от 425 до 550 экз.). Журнал стал сейчас библиографической редкостью. Первый номер оказался столь удачным, что завоевал впоследствии Диплом первой степени на Всероссийской сельскохозяйственной выставке. Почти все номера журнала были иллюстрированы. Можно предположить, что Г. С. Виноградов сопровождал свои статьи авторскими иллюстрациями (рисунками, набросками, эскизами).

Иногда в качестве приложений печатались извлечениями из архивов неопубликованные письма и документы. Особенно украшали номера сказки, собранные М. К. Азадовским. Огромную ценность для исследователей имеют напечатанные в 1925 г. материалы Первого Восточно-Сибирского краеведческого съезда со всеми резолюциями и тезисами докладов.

Первый номер журнала открывался программной статьей редакции. В ней отмечалось, что в условиях обособления разных частей страны друг от друга и от центра “теперь больше, чем когда-либо, имеет смысл появление научных изданий в отдельных областях страны: в областном масштабе легче разрешить задачу, которая стоит перед научными изданиями центра... Редакция считает очень желательным привлечение к участию в сборнике исследователей, живущих в разных пунктах Сибири, и надеется, что со временем удастся этого достигнуть.

Очень важной задачей редакция считает учет исследовательской работы, которая была проведена за последнее время и ведется сейчас в разных пунктах Сибири. В этом отношении приходится, однако, ограничиваться лишь сообщениями далеко не полными и до некоторой степени случайными. Тяжелые материальные затруднения, которые приходится преодолевать при издании сборника, не позволяют сказать с уверенностью, удастся ли превратить его в постоянный этнографический журнал. Но Восточно-Сибирский отдел сделает все, от него зависящее, чтобы достигнуть этой цели”.

Объем журнала колебался от 5 до 13 печ. л. Выходил он нерегулярно, выпуск 2-й в 1924 г. Вып. 3-4 — в 1925 г. Вып. 5 и 6 в 1926 г. Вып. 7 — в 1928 г. Вып. 8-9 — в 1929 г. Структура “Сибирской живой старины” была такой: научные статьи, затем раздел УТРАТЫ (некрологи российских краеведов), ХРОНИКА (информационные сообщения о работе отделов РГО в Сибири,

краеведческих музеев), БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ (выпуск бюллетеней, программ, справочников, работ по этнографии, описание местных журналов, книг).

Среди авторов явно выделяются М. Азадовский и Г. Виноградов. Например, перу Г. Виноградова принадлежат 13 статей. Уже в первой из них “Этнография и современность” (№ 1) он четко обрисовал круг важнейших вопросов, как бы наметил перспективную программу своих исследований. Г. С. Виноградов подчеркивает, что народ надо изучать не только в мирном состоянии, но и в эпохи бурные, критические; мало записывать предания, легенды, сказания, надо изучать словесное народное творчество, быт и уклад народной жизни как отражение текущего момента, событий дня. Выполняя эту программу, Г. С. Виноградов публикует в “Сибирской живой старине” все свои основные работы: “Детский народный календарь” (№ 2), “Детская сатирическая лирика” (№ 3-4), “Заметка об изучении народного ораторского искусства” (№ 3-4), “Народная педагогика” (№ 5), “Детские тайные языки” (№ 6), “Детские игровые прелюдии” (№№ 7, 8, 9).

М. К. Азадовским опубликованы: “Легенда о Щапове” (№ 1), “Литература по этнографии Сибири” (1891 — 1900 г.г.) — там же, “Сказка Верхнеленского края” (№№ 2, 3, 4), “Николай Бестужев — этнограф” (№ 3-4), “Пути этнографических изучений ВСОРГО” (№ 6), “А. А. Макаренко” (№ 7), “С. П. Швецов” (№ 8-9).

Из других авторов можно упомянуть имена таких краеведов, этнографов, фольклористов, историков, археологов, диалектологов, как П. П. Баторов, Н. С. Бер, Д. А. Болдырев-Казарин, М. В. Бородкина, Н. С. Вегман, В. Д. Гуцин, Н. Н. Козьмин, М. В. Красноженова, Б. И. Лебединский, Э. Липская-Вальронд, В. А. Малаховский, М. В. Муратов, А. Новиков, Н. Е. Ончуков, Е. Н. Орлова, Э. К. Пекарский, Б. Э. Петри, В. Л. Петрова-Смагина, В. И. Подгорбунский, Н. И. Попов, А. М. Попова, А. В. Пруссак, Е. Я. Самойлович, А. Т. Самохин, М. А. Слободский, А. Соколова, Г. П. Сосновский, Е. И. Титов, О. И. Толстихина, А. Я. Тугаринов, Н. И. Удимова, Н. Хандзинский, П. Я. Черных.

Если судить по авторскому коллективу, то сразу можно признать, что “Сибирская живая старина” не была узко-региональным, областным изданием. Это был общесибирский журнал. В нем были представлены статьи и заметки, материалы о крестьянах Восточной и Западной Сибири, рыбаках Прибайкалья и бодайбинских приискателях, тунгусах и эвенках, бурятах и якутах, гольдах и камасинцах. Авторы волновали самые разнообразные формы народного творчества: народная медицина, кулинария, одежда, педагогика; крестьянское зодчество и изобразительное искусство; рыбацкий быт; песни старообрядцев, партизан и преступников; юрацкие игрушки и гончарное дело якутов; песни и игры детей и сказания о декабристах; археологические находки близ Бадая и Андроновская культура; предания древних якутов и бурят; свадебные обряды русских сибиряков и т. д.

“Сибирская живая старина” очень много места отводит персоналиям. Здесь помещена целая серия био-библиографических статей и очерков, посвященных таким замечательным краеведам, этнографам, как В. С. Арефьев, Н. А. Бестужев, П. А. Городцов, Вс. Ионов, И. И. Майнов, А. А. Макаренко, С. П. Швецов. В журнале были помещены свыше 20 некрологов, в которых кратко рассказывалось об умерших или погибших в годы гражданской войны ученых, как: А. В. Адрианов, И. А. Бутин, Н. С. Гуляев, А. П. Ермолаев, Г. Е. Катанаев, И. Д. Кузнецов, Н. П. Кычаков, М. И. Молессон, С. Д. Майнагашев, А. Новоселов, М. П. Овчинников, А. М. Позднеев, Г. Н. Потанин, А. Седельников и др.

Наконец, журнал оставался в эти годы самым важным источником библиографических работ в области краеведения и этнографии. Вот только самые крупные и важные из них: указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности (№ 1), литература по этнографии Сибири 1891 — 1900 г.г. и библиографический обзор сибирского краеведения за 1920 — 1923 г.г. (№ 2), литература по этнографии Сибири в исторических журналах 1901 — 1917 г.г. (№ 7), библиография по приисковому быту сибирских горнорабочих (№ 8-9).

Таким образом, можно признать, что “Сибирская живая старина” полностью выполнила те задачи, которые ставились ее авторским коллективом во главе с М. К. Азадовским и Г. С. Виноградовым. Она являлась ведущим научным и публицистическим изданием Сибири в области краеведения и этнографии в 20-х годах. Прекращение этого издания (как и скорое свертывание выпуска “Сибирской Советской Энциклопедии”) произошло, конечно, не по материальным причинам (а тем более не из-за какого-то творческого спада), а вследствие резкого ухудшения всей обстановки в стране в связи с формированием системы тоталитарного режима, насаждаемого сталинщиной в нашей стране. Закрытие журнала, отъезд М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова из Сибири в центр стали тяжелой потерей всего сибирского краеведения.

АРХИВ Г. С. ВИНОГРАДОВА В ФОНДАХ ИРКУТСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Этот архив передала музею в 1984 г. Зоя Иннокентьевна Димитревич — племянница Татьяны Васильевны Инесиной — последней жены Г. С. Виноградова.

Архив состоит из двух частей: Основного фонда и Вспомогательного, зарегистрированного на временное поступление.

Основной фонд, насчитывающий более 300 ед. хранения, включает в себя часть библиотеки Г. С. Виноградова, документы, справки, счета, квитанции, продуктовые карточки, обширную переписку ленинградского периода жизни ученого и наиболее ценные для составления биографии профессора Г. С. Виноградова воспоминания С. Н. Дурылина и Т. В. Инесиной.

Библиотека состоит из художественных произведений на русском и иностранных языках, справочных и учебных пособий, оттисков отдельных работ коллег Г. С. Виноградова с посвящением ему, а также его отдельных работ. Здесь же хранятся журнальные публикации о Г. С. Виноградове, собранные заботливыми руками Т. В. Инесиной после смерти ученого. Коллекция документов позволяет выявить все сложности быта предвоенной и военной поры, выпавшие на долю ученого. Например, скупая стрска трудовой книжки Г. С. Виноградова “Уволен из Иргосуна по статье...” означала на деле крах уже набравшей силу иркутской этнографической школы. Казенная переписка с ВАК демонстрирует упорство, с которым официальные ученые мужи не желали признавать неоспоримого вклада Г. С. Виноградова в гуманитарную науку.

Архив содержит письма, адресованные Г. С. Виноградову.

Список корреспондентов велик, широка география. Письма М. К. Азадовского, Д. С. Лихачева, Н. Е. Ончукова, В. А. Малаховского, Б. А. Дмитриева, Н. А. Капицы, С. Обнорского, Е. В. Дружининой и других (всего 33 корреспондента) повествуют о судьбах ученых-коллег, о деятельности Академии Наук СССР в тяжелые годы войны, о взаимоотношениях Г. С. Виноградова с руководством Института этнографии. Из переписки известно, что не все рукописи ученого погибли при бомбежке в Павловске. Перед эвакуацией из Ленинграда какие-то рукописи были переданы заместителю директора Института этнографии С. М. Абрамзону, что и подтверждает он сам в письме к Г. С. Виноградову. В имеющемся в нашем архиве полном списке печатных работ Г. С. Виноградова не числится ни одной публикации по этнографии с 1942 г. и позднее. Вопрос о судьбе этих рукописей остается открытым.

Драгоценные материалы для будущих биографов Г. С. Виноградова содержат записки Т. В. Инесиной с 1930 г. по 1945 г. Они позволяют проследить судьбу Г. С. Виноградова не только как ученого, но и человека. Любящее, чуткое сердце сопереживает, хранит каждый эпизод тяжелой судьбы любимого человека, учителя. Из этих записей мы узнаем о блокадных днях профессора, о спешной эвакуации в Углич, о последних днях.

Научно-вспомогательная часть архива огромна по объему. Здесь находятся рабочие картотеки по следующим темам: детский фольклор, детская сказка, областные слова, картотека архива писателя Веселовского. Среди прочего материала имеется подборка описаний детских игр, составленная при помощи корреспондентов — единомышленников Г. С. Виноградова, благодаря которым были собраны не только записи, но и музейные коллекции по детскому быту.

Здесь же находится картотека по теме “Выкрики и зазывы” (218 ед. хр.), Г. С. Виноградов записал их на базарах Иркутска, Углича, выписал из литературных источников.

В целом архив Г. С. Виноградова представляет большую ценность как для историков, так и для фольклористов.

МУЗЕЙ Г. С. ВИНОГРАДОВА В ГОРОДЕ ТУЛУНЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Самым главным экспонатом является дом, в котором родился Георгий Семенович Виноградов. В прошлом году было принято решение Малым Советом Тулунского горисполкома о переименовании улицы Свердлова в улицу имени Г. С. Виноградова, но до сих пор не заменили ни одного указателя, не установлена мемориальная доска на его доме. Причина всему этому хорошо известна: нестабильность в стране, развал, завал, острый дефицит городского бюджета и наша нерасторопность.

Интереснейшими экспонатами и самыми дорогими в музее являются труды Г. С. Виноградова, издания 1919, 1924, 1925, 1926 годов:

1. "Русский детский фольклор", 1930 г.
2. "Детская сатирическая лирика", 1925 г.
3. "Народная педагогика", 1926 г.
4. "Об изучении народного ораторского искусства", 1925 г.
5. "Детский народный календарь", 1924 г.
6. "Детские тайные языки", 1926 г.
7. "Замечания о говорах Тункинского края".
8. "Программа для собирания произведений народной словесности", 1915 г.
9. "Дети и народная культура" — тезисы докладов четвертых Виноградовских чтений.
10. "Этнологическая секция в 1924 г."

Имеется ряд газетных публикаций о Г. С. Виноградове. Кроме того, две фотографии (подлинники): а) Г. С. Виноградов в сороковых годах, групповое фото — снят с группой учащихся Тулунской школы. Мраморная мемориальная доска с надписью: "Основоположник куйтунской школы 2-й ступени. 1921 г." Папка, о которой шла речь в докладе профессора И. Е. Тугутова, якобы исчезнувшая из музея, находится на месте (1).

В Музее оформлен стенд—небольшая экспозиция о Г. С. Виноградове. Экспозиция знакомит посетителей музея с трудами ученого, экскурсовод обязательно рассказывает о жизни и деятельности в Тулуне великого земляка. Ко дню рождения Г. С. Виноградова в местной газете обычно появляется материал о нем.

В музее хранятся машинописные листы рукописи вдовы ученого А. И. Татариновой, которая знакомит с биографией Г. С. Виноградова — это наброски к книге С. Н. Дурылина, которая не была написана.

В настоящее время отделом культуры готовится праздник улицы имени Виноградова.

В 1992 году я выступал с докладом о литературной деятельности Г. С. Виноградова перед учителями русского языка и литературы и библиотекарями школ города.

В краеведческой викторине, посвященной юбилею города Тулуна, был включен вопрос о Г. С. Виноградове.

Вот так проводится разъяснительная работа среди населения, учащихся, учителей, общественности о жизни и деятельности нашего земляка.

Примечания

1. См. наст. изд., с. 8 — Примечание ред.

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСКИХ
ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Детские фольклорные и этнографические источники творчества Достоевского — целая историко-литературная проблема. Психологическими наблюдениями автора “Братьев Карамазовых” за бытом подростков пользовался счастливо поминаемый нами сегодня Георгий Семенович Виноградов, как исследователь “детской сатирической лирики”.

Прежде всего обращает на себя внимание такая форма литературного общения Достоевского с детским фольклором: простейшее, казалось бы, цитирование из принадлежащего детям устного поэтического творчества. Так, в художественных текстах писателя встречаются подлинные (аутентичные) детские, срифмованные под стишок, дразнилки. Сюжетно-ситуативными средствами они вложены в уста “маленьких героев” Достоевского: “Гришка — голанец съел померанец” (“Село Степанчиково и его обитатели” (1); Достоевский сохранил устную разговорную фонетическую форму слова, “детскость” его произносительного облика: “голанец”, вместо литературного “голландец”; померанец — экзотический для России апельсин, т. е. фрукт — иностранец; рифмующаяся пара “голанец-померанец” образно закругляет дразнилку на работе “Гришки” перед иностранщиной) и “Монах в гарнитуровых штанах” (“Братья Карамазовы” (2); по “Словарю” В. И. Даля, гарнитур, или, правильнее, гродетур — плотная шелковая ткань). Характерно, что адресат этих дразнилок — не дети, а взрослые. Оба дразнилочных стишка-присловья выражают определенные претензии к взрослым (проблема “отцы и дети”), критическое неприятие юными различных сторон и явлений в жизни старшего поколения. В первом случае выдразнивается вычурное преклонение однопороденца лакея “Гришки” перед внешне воспринимаемой им иноземной культурой. Во втором — непонятное и чуждое детям и потому насмешливо отвергаемое ими монашеское служение христианской идее (дразнилка могла возникнуть вблизи отшельнических обителей, в “краю монахов”).

Нельзя сомневаться в том, что обе дразнилки Достоевский где-то выхватил из детской фольклорной стихии. Не исключено, что он вынес их из мира своего детства.

Дразнилочная миниатюра про “Гришку” представляет собой рифмованное присловье к собственному имени конкретного человека и на этом основании кажется индивидуализированным. Перед нами вроде бы окказионализм, т. е. речевое образование, которое не является общепринятым, фольклорно-клишированным: сочинилось специально для обличения некоего “Гришки”, слетело с языка детворы вдруг, случайно и мимолетно, по вкусу и разумению говорящего (дразнящего). Однако это не так. Мы имеем дело с типично фольклорным произведением, которому присуща в высокой степени эстетическая (сатирическая) обобщенность. Оно потому и закрепилось в детской среде, что стало летучей или крылатой характеристикой “чужебесия”. Личное имя в этой дразнилке-народной эпиграмме подчиняется поэтике фольклорного обобщения — свободно варьируется в зависимости от личностного прикрепления, персонального адреса издевки (Васька — голанец, Мишка — голанец, Петька — голанец и т. п.). Речитативно-напевный ритмический строй дразнилочного стиха создает выразительный художественно-звуковой образ. Достоевский зафиксировал коммуникативно-психологический эффект дразнилочной причетки-припевки: она донимает и преследует свою жертву неотступно (лакей Григорий Видоплясов в “Селе Степанчиково” жалуется: “проходу нет”; “Как только я мимо иду, все мне следом кричат...”) — многократным и частым, мелодически окрашенным повтором:

Гришка — голанец

Съел померанец.

Гришка — голанец

Съел померанец

и т. д.

Дразнилка о “монахе”, напротив, неперсонифицирована, безлична. Но тоже оформлена как рифмованное присловье, на этот раз к наименованию рода занятий, не получивших одобрительной санкции у детей. (Нам доводилось слышать это присловье в живом бытовании среди мальчишек Среднего Поволжья в 1940-е годы: так назывался и дразнился воздушный змей особой конструкции — он приобретал в полете очертания “монаха в синих штанах”, по цвету употреблявшейся для изготовления “штанов” тесьмы. — В. В.). Как подмечено Достоевским и следует из контекста романа “Братья Карамазовы”, детское

(мальчишеское) сатирическое присловье “Монах в гарнитуровых штанах” представляет собой дразнилку-выкрик. Похожее на прозвище издевательское обзывание, отнюдь не предназначенное для речитативных повторов-причетов для звуковой игры с адресатом — жертвой. Бытовая, она же художественно-психологическая, функция этой дразнилки иная: не потешаться над избранным для насмешки “монахом” на каждом шагу, не выводить его из себя бесконечным подзуживанием-припеванием, а разом, хлестко, как ударом в один прием, ошеломить человека. Другими словами, в форме констатации выкрика-насмешки объявить о глубокой неприязни к монашествующему соотечественнику и к самому обету “ухода из мира”.

Воспроизведенные Достоевским-художником дразнилочные присловья про “голанца” и “монаха” отсутствуют в российских фольклорных публикациях (включая виноградовские) и, скорее всего, не засвидетельствованы более никем. Любопытно и другое. Русская классическая литература не пользовалась материалами фольклорных дразнилок, — вероятно, ввиду их кажущейся духовной и эстетической ничтожности. Исключение составляет Достоевский. Этому писателя интересовали все и всяческие психологические подробности житься-бытья, в том числе и момент слова *дразнящего*.

Как малая форма фольклора, особая и распространенная разновидность бытовых коммуникативно-речевых отношений, дразнилка привлекла Достоевского скрытым, эстетически загадочным психологизмом. Художественно-психологический метод писателя универсален. Он впитал в себя, естественно, и опыт народных (детских) дразнилочных речений. В том была для Достоевского некоторая, predeterminedенная его творческим “Я”, литературная необходимость. В толще русского разговорного быта он различил психологический эффект дразнилок: их “ушераздирающее” и провоцирующее человека — причем сразу обе стороны, жертву и насмешника, взрослого и ребенка — фольклорное бытовое значение. Страницы повести “Село Степанчиково” и романа “Братья Карамазовы”, где объектом художественного воплощения стали дразнилочные присловья о “голанце” и “монахе”, вводили в русскую литературу новый эстетический (“некрасивый” по сути) материал.

Персонажи Достоевского не столь уж редко испытываются дразнящим “красным словом”, прозвищными именованьями. Художественное (лабораторно точное) исследование стихийного окказионального ономастического процесса представлено в “Братьях Карамазовых” (все перипетии воздействия на Илюшу Снегирева дразнящего словечка “мочалка”). Отголоски прозвищного фольклора явственно слышны в именнике (ономастиконе) писателя: граф Бутылкин, барон Помойкин, Федька Каторжный, Невалид (контаминация “инвалида” и “не валить”), Гришка-темный кабак, Взъерепенинов, Лизавета Смердящая, Чекунда, Двухгрошовая (проститутка) и т. д. Под влиянием народных, в том числе детских, “дразнилко-прозвищ” Достоевский охотно следовал дразнилочному, обзывательскому принципу именованья своих героев: господин Голядкин, господин Прохарчин, Паскудина, Оплеваниев, Обноскин, Опискин, Млекопитаев, Зверков, Мармеладов, Раскольников и др.

Примечания

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 3. — Л. — 1972.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 14. — Л. — 1976.

ПОЭТИКА “ДЕТСКОГО СОЗНАНИЯ” В ТВОРЧЕСТВЕ ХАРМСА

1. Авангардистское искусство с присущими ему “рассогласованиями” — взаимоподмена причины и следствия, усложненный хронотоп, разрушение семантики, лингвистические эксперименты, конструирование индивидуального языка и проч. — воспринимается зачастую как результат “нетрадиционного” мышления. Между тем отсутствие традиций в “новом искусстве” иллюзорно. Нарушение (намеренное “попрание”) эстетических норм, возведенное искусством авангарда в творческий прием, и отказ от привычных способов изображения действительности, сопровождаются активизацией архетипных структур сознания, что приводит, в свою очередь, к созданию мифопоэтической модели реальности. Мифологический же, “древний”, тип сознания во многом соотносится с детским восприятием (по определению Г. Виноградова, “детское племя... — наиболее первобытное из всех”). В этой связи характерны “детские ориентиры” обэриутского творчества, в частности, Даниила Хармса (1905 — 1942).

2. Стоит заметить, что “архаичность” детского сознания проявилась не только в творчестве, но и в особом, “игровом”, отношении Д. Хармса к собственной жизни*. Документальные свидетельства обнаруживают следующие “игровые” начала:

а) изобретение игр (игра в “разрезы”, “игра только на концертах”, игра “черты лица” и др.).

б) озорство, розыгрыши, возведенные в ранг серьезных поступков (так, по воспоминаниям А. Порет, Хармс, приходя в гости, перевешивал все картинки вверх ногами и наблюдал за реакцией друзей; “переименовывал” кошек и собак, утверждая, что те “не помнят своих имен”).

в) “карнавализация”, мистификации — надувательства (письма с заведомо ложными сведениями, перевоплощения в других людей, придумывание вариантов собственного зачатия, рождения и судьбы).

3. Творческая программа Д. Хармса — “очистить предмет от ”обиходной шелухи знаний и представлений”, чтобы постичь “первую реальность” — реализовалась в “абсурдистских”, с точки зрения “взрослого” мышления, произведениях. Смысловая эксцентрика заключалась в реконструкции отстраненной, “искаженной” картины мира, разрушенной автоматизацией восприятия (Ср. у Г. Виноградова: “Дети воспринимают мир и окружающую жизнь таким образом, как это позволяют им познавательные средства. Искажена ли картина мира и жизни детей? Она отлична от картины мира взрослого человека, а искажена ли, кто это скажет”).

В творчестве Д. Хармса “искаженный” образ реальности проявился в:

а) особом фантастическом реализме, синтезе несоединимого (летающие персонажи, говорящие звери, “одушевление” неодушевленного и т. д.);

б) метафоричности-метаморфозности (“Сон — это птица с рукавами, А время — суп, высокий, длинный и широкий, А жизнь — это времени нога”);

в) поэтизации шалости, во включении в реалистический контекст смысловой “погрешности” (см. в филос. соч. Д. Хармса — “Разные примеры небольшой погрешности”), разрушающей привычную логику (“Жила-была старушка. Жила, жила и сгорела в печке. Туда ей и дорога...”);

г) фольклорных образах “недочеловека” — существа, лишённого опыта, живущего “вне цивилизации” (см. рассказ “Я родился в камыше...”).

4. Творчество Д. Хармса смоделировало процесс “взросления” сознания — от циклизма мифологического мышления к линейности сюжетной прозы. Поэтике “детского” восприятия соответствуют такие элементы творческой эстетики Д. Хармса, как:

а) стихотворный период как начальная стадия творчества (ср. у Ю. Лотмана: “Для ребенка первая форма словесного искусства — всегда поэзия, т. е. речь, не похожая на обычную”);

б) инкорпорирующий строй языка (наделение слова функциями предложения, размытость частей речи и членов предложений (“Звонить-летать”));

в) предметно-событийная разрозненность, образ мира, потерявшего логические опоры

*Слитность бытовых “чуждачеств” Хармса с его поэтикой алогизма восходит, с нашей точки зрения, к обэриутскому принципу торжества искусства и жизни.

- (“Я в речку кидаюсь, а речка — шнурок, за сердце хватаюсь, а в сердце — творог...”);
- г) постепенное перерастание синтетического алогизма в ситуативный, вытеснение ранних абсурдистских стихов прозаическими циклами (“Случаи”, “Анекдоты”);
 - д) обыгрывание цветовых, числовых, знаковых (крест, круг) мотивов (Письма к К. Пугачевой, “Миллион”, “Веселые чижы”, “Сонет”, “Утро”);
 - е) тавтологичность (... и в дальний путь, и в дальний путь отправился пешком; см. “детские” стихи);
 - ж) сказовость (“Случаи”).

5. Бессознательное погружение в детскую, первобытную мифологию, заключающую в себе уникальный, не опосредованный рациональным знанием опыт, устанавливает, с одной стороны, бытийную связь человека с миром, с другой — оборачивается “абсурдизмом”. Об этом свидетельствует творческая эволюция Даниила Хармса.

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР И РУССКАЯ ПОЭЗИЯ 1970-1980-х ГОДОВ

1. Интерес к традиционным “примитивным” культурам, в том числе и к детскому творчеству — одна из важных отличительных особенностей европейского искусства XX в. В контексте этого интереса детское творчество привлекает внимание художников прежде всего своей нетривиальностью, своеобразным сочетанием архаических элементов и индивидуального творчества, специфической (детской) логикой, воспринимаемой часто как алогизм и даже абсурдизм.

Одно из главных отличий русской “подпольной” поэзии 1960-1980-х годов от официальной литературы того же периода — стремление идти в русле художественных поисков европейской культуры. Соответственно, интерес к детскому фольклору в значительной мере связан с попытками найти новые, нетривиальные варианты видения мира. С другой стороны, многие из поэтов этого направления активно работают в официальной детской поэзии, а значит, изучают своего читателя и, следовательно, оказываются в состоянии преодолеть те трудности, которые, как писал Г. Виноградов, связаны в первую очередь с тем, что “взрослым малодоступны произведения детского творчества не по трудности их понимания, а по чуждости настроений, которые неуловимы и неопределимы, по чуждости тем, которые своеобразны, по чуждости форм, которые необычны”. На скрещении двух этих тенденций и складывается специфический художественный опыт такого своеобразного современного лирика, как Генрих Сапгир.

2. Оставив в стороне собственно детские стихи Г. Сапгира и его товарищей по литературному направлению — поэтов так называемой “лианозовской школы”, — попробуем определить те стороны его индивидуальной поэтики, которые оказались особенно проницаемы для воздействия художественных принципов детского фольклора.

Это, в первую очередь, игровое начало, имеющее в поэзии Г. Сапгира принципиальное значение. Многие его стихи 1960-1980-х годов — это достаточно простые по своему механизму игры, в которых читателю предлагается принимать самое деятельное участие. (К этим произведениям вполне применимо сказанное Г. Виноградовым об игровых прелюдиях: это “словесные произведения, которые живут, лишь вступая в определенные сочетания с другими проявлениями детского творчества, входя составною частью в более сложное образование — в игру”). Достигается это как с помощью разного рода экстратекстовых элементов (ремарок, эквивалентов текста и т. д.), так и с помощью собственно авторских “языковых игр”, во многом напоминающих детское языковое творчество.

Так, Сапгир активно вводит в свои тексты “выдуманные” слова, многие из которых безусловно имитируют “детскую” лексику с присущим ей объединением семантики нескольких слов, что вызывает обычно комическую реакцию (например, “пельсисочная” — “гибрид” пельменной и сосисочной) или размытой, “неправильно воспроизведенной” структурой и семантикой (“предпрятель”, “питутели”, “мурелки”). Ср. у Г. Виноградова: “Ломая слова, подчиняя их своей воле, своему вкусу или капризу, своим нуждам, ребята производят бесчисленные эксперименты с формами слов и приемами образования их, размещение их в пределах фразы, постановки ударения, устранение или изменение смысла (озаумление, перенесение в новую категорию) и прочее”.

3. Кроме использования приемов “детского языка”, Г. Сапгир активно обращается и к художественным особенностям собственно детского фольклора, в первую очередь — таких его специфических жанров, как игровые прелюдии, потешки, небылицы, страшилки, дразнилки, скороговорки, заговоры.

При этом фольклорные жанровые каноны, разумеется, серьезно переосмысливаются, арсенал же художественных средств используется очень активно.

Из числа наиболее популярных у Г. Сапгира приемов детского фольклора следует назвать:

- а) разнообразные повторы и градации (“Парад идиотов”);
- б) тавтологии, в том числе — и в рифме (“Голоса”);
- в) перебои метра, создающие впечатление спонтанности, “непреднамеренности” стихового потока;
- г) использование “бессмысленных” слов (“тайного языка”), особенно — в зачинах и концовках текстов;
- д) использование окказиональных словообразований (“Книга духов”);

е) “сокращение” слов, получившие в поздних книгах Г. Сапгира значение самостоятельного стихообразующего принципа (“Дети в саду”);

ж) контекстное этимологизирование, “самоосмысление” языка (“Песня ”Я придумал...”, “Стихи про календарь” Вс. Некрасова);

з) особая активность звукозаписи (ср. у Г. Виноградова: “Подсознательный выбор звуков дает в результате гармонию гласных, звукового повтора, аллитерации — то, что принято называть звуковой инструментальной”; у Г. Сапгира все это, разумеется, осознается, но при этом искусно имитируется именно “детская”, подсознательная звукопись);

и) необычный “алогизм” и “абсурдизм” в построении сюжета и образов.

4. Все перечисленные средства художественной выразительности в творчестве Г. Сапгира взаимодействуют с приемами и принципами так называемой “авангардистской” поэтики, выступая при этом как один из главных носителей традиционной, фольклорной по своему происхождению, эстетики.

5. Активное использование принципов и элементов детского фольклора в сочетании с приемами “новой” эстетики создает эстетическое своеобразие “взрослой” лирики Г. Сапгира, Вс. Некрасова, ряда других авторов и позволяет по-новому взглянуть на саму проблему традиций и новаторства применительно к так называемому “авангарду”. В действительности, его независимость от традиций оказывается сильно преувеличенной; другое дело, что многие представители “новой литературы” обращаются не к “официальным” жанрам и именам, а к так называемой “периферии” традиционной культуры, что и вызывает “наузнавание” их традиционности. Но это — вопрос, скорее, несовершенства инструментария...

УЖАСНОЕ И СМЕШНОЕ В СОВРЕМЕННОМ ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (Потешки и “страшные” рассказы)

Преображение ужасного в смешное — характернейшая тенденция детского творчества. Цель данной работы — рассмотреть духовное содержание этого процесса в современном фольклоре, прояснить социальные и художественные предпосылки популярности жанра “кошунственной потешки” и страшилки среди школьников 80-90-х годов.

Ужасное в традиционной эстетике рассматривается как антипод трагического, поскольку связано с несвободой, со смертью, с гибелью ценностей, т. е. с торжеством негативного в безобразной форме, с невозможностью даже духовной победы (1). Но, как представляется, в детском сознании ужасное выступает как праформа трагического, выполняя его духовно-эстетическое назначение — вызывать глубокие и сильные переживания, возмущение властью зла. Такие высоты трагического сознания, как прозрение смысла страданий и метафизической вины, детям просто недоступны, как недоступны они и большинству взрослых. Но интерес к ужасному как запредельному, иррациональному рожден в равной мере жизненной потребностью в интенсивности чувствований и познавательным инстинктом, не знающих никаких пределов.

Ужасное в современном детском фольклоре предстает в разных обликах. Во-первых, как нечто чудовищно опасное, непонятная сила, от которой нет спасения. Характерно, что источником этой губительной силы становятся самые обыкновенные предметы: радио, шторы всех цветов, пятна на ковре, платья, ленты, перчатки и т. д. Так возмещается недостаток таинственного в современной жизни, забывшей о домовых, леших, кикиморах и прочих опасных и всемогущих духах. Во-вторых, это чудовищная несправедливость, когда смерть несут самые близкие: мать, бабушка, соседка и т. д. Как правило, в роли оборотней выступают женщины, не обязательно умершие, что можно было бы объяснить атавистическим страхом перед душами предков. Тут ужасен сам мотив немотивированного оборотничества — ужас и многократную смерть несет самое дорогое существо, символ добра и ласки. В-третьих, ужасное проявляется как кошунство, намеренно вызывающее нарушение нравственной нормы, этического и эстетического запрета. И в этом случае — в бесчисленных кошунственных стихах — оно вызывает уже не страх, а едва ли не физиологически радостное чувство. Но, как представляется, все три качества ужасного связаны между собой единством мироощущения и общей тенденцией преодолеть чудовищное и безобразное через смешное, т. е. через обретение свободы.

В детском переживании ужасного присутствуют аналоги всех этапов переживания высокой трагедии: моральному страданию соответствует жуткий страх. Роль катарсиса, духовного очищения, выполняет ПОНИМАНИЕ, т. е. объяснение невозможного. Так, черная кошка, передувившая всех детей, сбрасывает шкурку — и оказывается матерью, что ужасно вдвойне, но — тут же дается объяснение: “Она была в шайке”. Знаменателен специфический характер “понимания” — это не объяснение мотивов, а увязка с чем-то привычным, доступным подсознанию. Преступные банды, шайки — это знакомо, коллективная жестокость для детей естественна и потому как бы понятна и не страшна. Ужасное у детей не может быть связано с пессимизмом, это страх перед бессилием, которое ищет защиты. Но помощь исходит не от нравственного или духовного начала (напротив, символы добра несут inferнальное зло), а от силы. Все жуткие тайны, как правило, разрешает милиция: авторитет силы первичен, влияние детектива здесь столь же минимально, как и власть обаяния дяди Степы. В роли абсолютной силы выступает и смех: наметилась тенденция к позитивному разрешению ожидания ужасной развязки, к пародийному обыгрыванию контраста между ничтожным поводом и трагическими переживаниями (родители падают в обморок при виде разрастающегося желтого пятна на потолке, но мальчик обнаруживает, что это результат “деятельности” котенка). Игра с ужасным предстает как средство воспитания способности к иронии — как признак развитого интеллектуального сознания.

Интеллектуализация детского фольклора — тоже очевидная тенденция. Интеллектуализация — это стремление к рассудочной игре смыслами, без участия сердца, т. е. это выяснение относительности абсолютных понятий и сочетаемости несоединимого. Появился как бы новый жанр, который и выполняет эту функцию, — детский вариант “черного юмора”, так называемые “кровавые” или “садистские стихи”. Но все эти бесконечные ва-

риации на тему о “маленьком мальчике”, который “нашел пулемет”, выполняют давно известную роль потешки — развлекательного абсурдного стихотворения. Источник комизма в данном случае — не несообразность алогизма (“ехала деревня мимо мужика”), а нарушение нормы — нравственного запрета на кощунство. Интеллектуальная игра строится на эстетическом соблазне нарушения этического запрета, как будто поэтизируется жестокость, совесть отступает перед блеском остроумия.

Модель, созданная ленинградским поэтом О. Григорьевым, оказалась катастрофически продуктивной. “Поэтизация жестокости” обусловлена не столько влиянием массовой культуры, сколько опорой на “естественную” почву.

“Ради красного словца” в фольклоре легко нарушается любой запрет, “недопустимые” смеховые приемы используются в потешках (“Замест кренделя-баранки проглотил мужик дугу”), загадках (“Маленький Данилка в петельке удавился” — “Пуговка”), дразнилках, в сказках о шутах восхищение героем прямо пропорционально количеству его жертв. Нарушение запрета — вообще классическая пружина действия в фольклоре.

В данном случае мы сталкиваемся с коллективной страстью нарушения запрета в подчеркнута эстетизированной форме. Стихи, как правило, отличаются точной, часто каламбурной рифмой (“Маленький мальчик надел кимоно, больше Брюс Ли не снимался в кино”), четким ритмом, обыгрыванием подтекста и говорящих деталей, практически полностью отсутствует бранная и сниженная лексика. Возраст “снизился” — 9-12 лет, преимущественно мальчики. Опрос показывает знаменательную закономерность: жанр этот — не для души, а для коллективного соревнования в кощунственном остроумии. Это “упоеание бездны мрачной на краю” выражает, очевидно, потребность социального свойства, а не духовную волю индивидуального сознания.

Кощунству подвергаются все ценности — природные и нравственные (дети и родители просто одержимы жестокими убийствами), идеологические (“Ребрышки к ребрышку, звездочки в ряд: трамвай переехал отряд октябрят”), романтические (“Дети на стройке в индейцев играли, с пьяных рабочих скальпы снимали”). Смех агрессивен, но он рожден подсознательным протестом, сопротивлением силе интеллектуального давления. Кощунство совершается в подчеркнута игровой форме — и это игра с избытком смысла рационального. Эта игра демонстрирует условность слов, но не понятий, именно поэтому ужасное не страшно, а смешно. Свобода реализует себя как эмоциональная потребность коллективного сознания, но не как духовная безответственность. Такая тенденция знаменательна не только для детского сознания, как представляется, она универсальна: освободиться от запретов, а также от зашоренности и даже от веры вместе гораздо легче, чем поодиночке. Смягчение ужасного смехом в фольклоре не есть результат самостоятельной критической деятельности, а продукт работы коллективного подсознательного, даже в сугубо интеллектуальной форме.

Примечания

1. Эстетика: Словарь/ Под общей ред. А. А. Беляева и др. — М. — 1989.

“СЛОВА БЛЕСТЯТ, ЗВЕНЯТ МУЗЫКОЙ...”
(О ПРИЕМЕ “РЕАЛИЗАЦИИ” МЕТАФОР В ДЕТСКОЙ КНИГЕ)

Л. Н. Толстой, которому была близка мысль о нравственно-педагогической направленности детской литературы как единственно верной линии ее развития, написал несколько историй по известным русским пословицам (“На воре шапка горит”, например). Для Толстого пословицы — наиболее ясное выражение нравственных народных суждений, на которых и должны воспитываться дети.

И все же детских писателей всегда привлекала не только заключенная в пословицах, поговорках мораль, но и удивительная выразительность, эмоциональность народных речений.

В отечественной и зарубежной детской литературе получил достаточно широкое распространение прием “реализации” метафор, основанный на буквальном (как бы детском) понимании поговорок и, шире, устойчивых словесных выражений.

Наверное, впервые как художественный прием “реализация” метафор проявилась в сказках Л. Кэрролла “Приключения Алисы в Стране чудес”, “Алиса в Зазеркалье”. Об этом интересно и убедительно пишет Н. М. Демурова (1). В этих странных сказках оживает английская поговорка “безумен, как мартовский заяц”, а “перекрестный допрос” перерастает в трагико-комическую сцену (король восседает на троне, скосив глаза, скрестив руки и ноги)... Надо заметить, что для Кэрролла такое обращение со словом не просто попытка взглянуть на вербальный мир глазами ребенка, воспринимающего привычные речения буквально, но и понимание того, что потенциально-образные свойства слова не до конца оценены литературой. Увлечение словом, любование им привело к тому, что язык стал одним из главных героев кэрролловских сказок.

Сказка К. Коллоди “Приключения Пиноккио” дает нам возможность предположить, что у итальянцев существует пословица или поговорка типа: “Не ври, а то нос вырастет” или “У вруна нос длиннее”. Ведь именно это и происходит с носом бедного Пиноккио, когда он совершает неблагоприятные поступки. Об этой опасности его постоянно предупреждают другие герои сказки. Назидательность авторской позиции не дает ему возможности полюбоваться оригинальной внешностью героя, использовать эту особенность в развитии действия. Народно-поэтический образ не был художественно освоен К. Коллоди, а лишь использован так же точно, как пользовался пословицами в своих детских рассказах Л. Н. Толстой.

Пересказавший сказку Коллоди для наших детей Алексей Толстой использует, на первый взгляд, тот же литературный “ход”, что и итальянский сказочник, меняя при этом характер героя и свое к нему отношение. В основу характера легли русские поговорки о любопытстве (“совать нос не в свое дело”, “любопытной Варваре на базаре нос оторвали”) и наивности, неопытности (“не видеть дальше своего носа”). Мирон Петровский предполагает, что даже характер Пьеро соотносится с фразеологизмом “спустя рукава” (безвольно, пассивно, кое-как). Но Толстому интересно “поиграть” со словом, а не просто найти фразеологический аналог созданному образу. Будучи человеком живым, эмоциональным, часто — непредсказуемым, он ценил неожиданность в слове, поговорке, бытовой метафоре. В его книгах, в том числе, детских, были во множестве рассыпаны “типично русские фразеологизмы, пословицы, поговорки, экспрессивные, еще не остывшие, словно только сейчас из языковой печи выхваченные речения...” (2).

Наиболее же любопытно и последовательно среди отечественных авторов использует прием “реализации” метафор С. Г. Писахов. Его сказки очень часто строятся как лукавое обыгрывание народной речи. Вот, например, маленькая сказочная зарисовка “Звездный дождь”. Человек, привыкший к этому выражению, не замечает уже его образности, для него, что “звездопад”, что “звездный дождь” — все едино, а Писахов радостно удивляется этому выражению и обыгрывает его, придумывая, как этот звездный дождь собирают да звездное пиво из него творят. То же и в знаменитых “Мороженых песнях”. Оттолкнувшись от привычного оборота “словом перекинуться”, сказочник “материализует” слово: льдинками замерзшие на морозе слова цветом и формой показывают, “что сказано, как сказано”. Это предыстория, зачин, а далее события развиваются непредсказуемо и фантастично.

Выражения “горячий человек”, “разгорячиться” обыгрываются сразу в нескольких сказках (“Морожены волки”, “Своим жаром баню грею”, “Ледяна колокольня” и др.). В

этих сказках сюжет откровенно строится на “вглядывании” в это свойство характера рассказчика, так же, как истории о Перепилихе — женщине с пронзительным голосом — вырастают из ее образной характеристики.

Далеко не всегда Писахов так явно раскрывает языковую предысторию сказки. Так, например, события озорной и поэтичной сказки “Своя радуга” никак внешне не связаны с той бытовой метафорой, которая дала сказке жизнь (“штаны светятся” обычно от старости, у С. Писахова — от езды по радуге!).

Писаховская гиперболизация корнями уходит в устную речь народа, в его пословицы, поговорки, образные речения. Именно они дают “лет” фантазии писателя.

Как подземные воды невидимо дарят земле цветение, так народное слово рождает сказку Писахова и тут же растворяется в ней. Для С. Г. Писахова родной язык — любимый герой сказок.

Новая эстетическая жизнь образных выражений стала возможной благодаря особому — детскому и в то же время творческому — отношению к слову. Для детей слово — материально, оно имеет форму, вес, цвет. Так и для наших авторов “слова блестят, звенят музыкой” (3).

Словесная игра не просто писательское озорство, средство комической выразительности, а яркий художественный прием, играющий в детской книге роль первостепенную, приобщающий читателя-ребенка к миру образного слова.

Примечания

1. Демурова Н. М. О переводе сказок Кэрролла // Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. — М. — 1991.
2. Петровский М. С. Книжки нашего детства. — М. — 1985.
3. Писахов С. Г. Ледяна колокольня. — М. — 1992.

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ

(на основе современных устных рассказов крестьян-сибиряков)

В своей статье “Народная педагогика” Г. С. Виноградов обращает внимание на специфические, выработанные многовековым опытом “формы и приемы, идеи и средства народного воспитания и обучения” (1), прослеживает истоки их формирования: “... Воспитание и обучение существовало в народе столько же веков, сколько существует сам народ, — с ним родилось, с ним выросло, отразило в себе всю его историю, все испытанные влияния, все его лучшие и худшие качества.

У народа были и есть известные представления, взгляды на жизнь, на воспитание появляющихся новых поколений, известные цели и задачи воспитания и обучения их, известные средства и пути воздействия на юные поколения и т. д. Совокупность и взаимозависимость их и дают то, что следует назвать н а р о д н о й п е д а г о г и к о й (разрядка моя — М. У.)” (1).

Одним из первых в русской фольклористике Г. С. Виноградов обозначил понятие народной педагогики. Статья его имеет методологическое значение и в наше время, поскольку в ней определено содержание этого понятия и границы, народная педагогика помещена в один ряд с народной философией и психологией, и, кроме того, названы некоторые источники ее изучения, в частности “материнская поэзия, или поэзия пестования” (1). Вместе с тем ученым отмечено, что народное воспитание осуществляется не только с помощью особых, словно для этого предназначенных жанров, но прежде всего — посредством самой среды, окружающей ребенка. “Может быть, — пишет Г. С. Виноградов, — сущность педагогики заключается в определении, отыскании или получении возможностей использовать ту или иную среду, нужную для тех или иных педагогических целей” (1).

В течение многих веков разнообразные формы народного воспитания были вплетены в традиционный уклад жизни. В крестьянской среде была выработана особая соционормативная культура, при которой традиции и обычаи действовали как социальные нормы и способствовали функционированию саморазвивающегося организма деревенской общины. Необходимым условием жизнедеятельности этого организма была п р е е м с т в е н н о с т ь п о к о л е н и й. Г. С. Виноградов выделяет два процесса, наблюдаемые в народной жизни: “процесс вставания нового поколения в жизнь взрослых, т. е. унаследования культурных накоплений юным поколением, и процесс введения во владение, т. е. передачи культурного наследия одним поколением другому” (1). Ученый считает, что “заметки и мысли о втором процессе” и “должны составить содержание работ по народной педагогике” (1).

Какие же формы бытовой жизни сельского коллектива способствовали “передаче культурного наследия одним поколением другому”, как через них осуществлялось воспитание “нового поколения”?

Ответы на эти вопросы позволяет дать обращение к устным рассказам сельских жителей — воспоминаниям о жизни в условиях традиционного уклада крестьянской общины. В сообщении анализируются рассказы, записанные в период с 1972 г. по 1990 г. в Иркутской и Читинской областях во время фольклорных экспедиций ИГУ под руководством В. П. Зиновьева и фольклорных практик ИГПИ.

Рассматриваемые нами нормативы — это не беспристрастные устные документы. Картины прошлого увидены здесь сквозь призму народного художественного сознания, а оно представляет действительность избирательно. Как покажет наблюдение, в народной памяти сохранились, в основном, такие формы быта, обычаи, обряды, которые способствовали накоплению в общине духовных ценностей, а следовательно — и воспитанию (причем воспитательное воздействие того или иного обряда распространялось подчас не только на детей, молодежь, но и на взрослых).

Одной из форм бытовой жизни крестьянства, с дидактической целью отражаемой в устных рассказах, были календарные праздники. В повествованиях раскрывается полифункциональность Великих годовых праздников. Они давали возможность выразить и укрепить духовный и нравственный потенциал общины, пережить состояние радостного очищения и обновления. В поле зрения рассказчиков оказываются такие элементы праздника, которые имели этическое и эстетическое значение как для детей, так и для взрослых.

На основе анализа устных рассказов выявляются различные способы приобщения детей к праздничному действу.

I. Дети были причастны к обрядам и увеселениям, совершаемым взрослыми.

1. Дети наблюдали за совершением обрядов, основными исполнителями которых были взрослые и молодежь, но нередко допускались и в качестве участников (колядование (Рождество), лугование (Троица) и т. д.).

2. Взрослые, молодежь могли учить детей своим увеселениям (девушки учили девочек плясать на вечорке).

3. Дети принимали участие в таинстве, в нравственной подготовке и самоочищении себя перед праздником (например, в ночь перед Пасхой нельзя было спать, требовалось сшить какой-то новый наряд до наступления утра).

4. Дети могли как бы дублировать обряды, совершаемые взрослыми (например, самостоятельно совершать обход дворов в Прощеный день, повторяя ритуал взаимопосещения взрослых).

II. При совершении некоторых обрядов дети становились полноправными участниками наравне со взрослыми. Уважительное отношение к человеку как к личности усиливалось особыми вещественными атрибутами календарных обрядов, которые предназначались для каждого индивидуально независимо от возраста (в Семик венки завивались, на Пасху "паски" стряпались и паи изукрашенных яиц раскладывались на каждого члена семьи).

III. Взрослые были заинтересованы в том, чтобы дети оказались "погруженными" в атмосферу праздничного действия и могли в полной мере испытать веселье и радость.

1. В рассказах упоминается истолкование взрослыми содержания праздника применительно к детскому восприятию (Троица: "... К окошкам ставили березку. Принесут, поставят. Вот, говорят, Троица пришла..."; Пасха: "Отец говорит: "Ну, седни не спите. Вон из-за той сопки-то будет паска выходить и придет к церкви"; Масленка "крутолобая": "... Вот малышам и показывают: "Масленка очень крутолобая. Вы видели, вечер спать ложились, что было на столе? Все. Утром встали — нет ничего. Она живо скатилась под стол и убежала в лес...").

2. В праздник входили традиционные элементы, предписывающие, чтобы взрослые стали организаторами увеселений для детей (в Масленицу устраивалось традиционное катание детей на тройках, в Пасху — устанавливались качели в каждом дворе).

3. Некоторые детские забавы как бы в миниатюре повторяли увеселения взрослых (например, "детские бега" — катания мальчиков верхом на жеребцах. Отцы ревностно относились к подготовке наездников и жеребцов).

4. В селе находились особые люди — пестуны, которые брали на себя роль руководить некоторыми формами детского досуга (например, первым купанием детей в Троицу).

IV. Существовали особые обряды, совершаемые, в основном, детьми. Наличие этих обрядов в праздничном комплексе было необходимым, согласно традиции. Дети становились желанными гостями в каждом доме, хозяева ожидали их прихода для благословения дома и его обитателей (обряды христославления (Рождество), посещения (Новый год), христосования (Пасха)). Славельщиков обязательно одаривали. Мотив заранее приготовленного угощения часто встречается в рассказах ("... Их там уж ждут — пироги пекут...").

Во время совершения названных обрядов вся община словно обласкивала детей. Являясь уникальной формой общения между поколениями, они в то же время способствовали укреплению дружественных и родственных связей (существовала традиция посещения детьми в первую очередь своих крестных родителей и родственников). Одновременно эти обряды были особой, тактичной формой, в которой дети-сироты могли принимать милосердие от "мира".

В целом содержание и эмоциональный тон устных рассказов служат подтверждением тому, что школой воспитания для ребенка была сама жизнь, бытовая повседневность, в которую были включены Великие годовые праздники. Оказывая благотворное воздействие на душу ребенка, они одновременно выполняли задачу введения его в жизнь общины в качестве полноправного ее члена и способствовали укреплению представления о нем как о личности, достойной глубокого уважения и внимания.

Примечания

1. Виноградов Георгий. Народная педагогика. (Отрывки и наброски). — Иркутск: Изд. Вост.-Сиб. Отдела РГО, 1926.

ПРИНЦИПЫ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ЭПИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИКАМЬЯ

Эпос, эпическое творчество народов финно-угорских групп как памятники духовной культуры составляют богатое педагогическое наследие и совокупность идей о воспитании, раскрывают многовековой путь формирования человеческих привычек и жизненных принципов.

Качественные стороны человеческой личности, ее нравственное и физическое совершенство являются результатом воздействия на человека целой дидактической системы: самой природы, труда, быта, искусства, фольклора, мифологии, родного слова. В эпических полотнах "Калевалы", "Калевипоэг" карелофинского и эстонского народов, в мордовских эпических песнях "Пир богов", "Во городе во Сызрани", в коми эпосах "Федор Кирон", "Богатырь Кирьян-Варьян" и др., в марийских легендах и преданиях о Чоткаре, Акпарсе, Онаре и Чумбулате выражены национальный дух народов, отличительные качества личности как результат формирования наций и их самосознания. В них находим семейные, родовые, племенные и народные методы, формы и средства воспитания.

В эпосе само воспитание, становление личности базируется на общечеловеческих демократических принципах с учетом возрастных особенностей ребенка, юноши, подростка, взрослого, на героических, патриотических традициях предков.

Эпическое творчество основывается на общечеловеческом опыте воспитания, в них отражается история формирования человека по гуманистическим нормам морали, передача духовных ценностей последующим поколениям людей.

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ АЛЬ-ФАРАБИ

Среднеазиатский ученый-энциклопедист Абу Наср аль Фараби (873-950 г. г.) родился в ауле Фараб (позднее Отрар), в семье военного и политического деятеля. Начальное образование получает в родном кишлаке. В дальнейшем он обучается в Самарканде, Бухаре, в столице арабского халифата Багдаде и Харрон. Обладавший энциклопедическими знаниями и необыкновенными способностями Фараби пишет комментарии к произведениям Платона, Эвклида, Птолемея, Порфери, особенно Аристотеля. Им создано свыше 160 произведений. За совершенные знания Фараби прослыл после Аристотеля как "Второй учитель" или "Аристотель Востока".

В условиях Средней Азии Фараби впервые создал систематическое учение о происхождении общества, его целях и задачах. Исходя из этого учения, он излагал свои богатые педагогические взгляды. Он разъяснял, что человек — это наиболее совершенный итог развития мира. Ученый говорил, что обучение и воспитание нужны человеку для того, чтобы уметь использовать явления природы в своих целях и поддерживать в этом деле правильные отношения с другими людьми, чтобы вырасти настоящим членом общества, изучать правильно его внутренние порядки, установления, чтобы стать тем человеком, который отвечает требованиям общества.

В высказываниях Фараби об умственном воспитании содержится идея познания окружающей среды, явлений природы, дальнейшего углубления знаний о них. Упоминая о том, что умственное воспитание детей оказывается эффективным лишь тогда, когда оно начинается с малолетства, он говорил, что все знания вырабатываются в результате влияния объективных событий на чувства, что все это осуществляется при помощи заложенных в человеке пяти органов чувств: зрения, слуха, обоняния, вкусового ощущения и осязания. В своем творении "Ихсо-а.1-улум" ученый делит науки на пять больших областей и ставит их изучение по системе, в определенной последовательности: 1. Языкознание. 2. Логика. 3. Математика. 4. Естественные науки. 5. Политические науки. По его мнению, такие науки, как математика, естествознание и метафизика, обогащают человеческий ум разнообразными знаниями, то есть служат обучению. А грамматика, логика, поэтика, говорил он, служат правильному использованию упомянутых наук, доходчивому донесению их до других, их точному, конкретному объяснению. Ученый говорил, что политические науки (этика, юриспруденция) учат тем правилам, которые касаются воспитания нравственности, взаимного сплочения людей в обществе, их отношений. Он считал, что удостоившийся высокого звания ученого человек должен: 1. В совершенстве знать приемы и правила каждой науки. 2. Уметь составлять комментарии и давать пояснения на основе приемов и правил науки. 3. Критиковать неправильные теории авторов, уметь указывать на их ошибки.

Фараби высказывал глубокие мысли и о моральном воспитании молодежи. Под высококонрастными людьми он подразумевал тех, кто страстно стремится к учебе, овладению знаниями, любит правду и справедливость, кто умеет постоять за свои взгляды, кто не знает страха. Он считал, что тот, кто собирается стать человеком примерного поведения, должен воплотить и гармонически соединить в себе двенадцать разных качеств: 1. Завидное здоровье. 2. Острую пытливость. 3. Крепкую память. 4. Умение быстро принимать решения. 5. Красноречие. 6. Стремление к учебе, знаниям. 7. Избегать пагубных азартных игр. 8. Любовь к правде. 9. Умение постоять за свою честь. 10. Не быть стяжателем. 11. Быть вечным. 12. Не быть слишком упрямым. Фараби указывал, что у людей не бывает врожденных моральных чувств, что они вырабатываются посредством воспитания, что характер, поведение человека формируются в той социальной среде, в которой он живет.

Ученый уделял огромное внимание и роли эстетического воспитания в деле выработки у молодежи положительных качеств. В своих трудах "Большой трактат о музыке", "Трактат о канонах искусства поэзии", "Риторика" и других он излагает свои мысли об эстетических категориях и эстетическом воспитании.

Говоря о необходимости воспитания подобных всесторонне развитых, умных, высококонрастных, прекрасных людей, Фараби преследовал цель достичь построения идеально-го, счастливого общества. Поэтому педагогические взгляды Фараби оказались связанными с общественно-политическими проблемами, проблемой государственного строя.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОГО ВОСПИТАНИЯ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ У НАРОДОВ СЕВЕРА

По мнению ряда исследователей, одаренность определяется тремя взаимосвязанными понятиями: опережающим развитием познания, психическим развитием и физическими данными. Для большинства современных урбанизированных обществ характерно стремление развивать способности ребенка, для этого создаются специальные условия, в том числе школы и специальные программы. В традиционных обществах подчас этому не придают такого значения, хотя стараются развивать определенные способности. Традиционное воспитание народов Севера заключается преимущественно в передаче им трудовых традиций, приобщении к эстетическим и нравственным ценностям.

Основное внимание у народов Сибири уделялось развитию способностей к охоте и рыболовству и в связи с этим их физическому развитию. Физические данные развивались в ходе игр и праздников с элементами народного спорта. У всех народов имеется огромное количество таких игр, во время которых развивались сила и ловкость, быстрота реакции и выносливость мальчиков как будущих охотников и рыболовов. Соревновательный характер народных спортивных игр создавал прекрасное поле для выявления особо физически одаренных детей и развивал способности остальных. Наиболее распространенными, например у обских угров, были состязания в стрельбе из лука и в ловкости. Особенно популярны они были среди юношей. Существовали различные состязания. Например, в подвешенном вверх ногами состоянии взять с пола ртом табакерку. Или другое — юноша ложился на спину, а потом, изогнувшись дугой на руках и ногах, запрокидывал голову назад и должен был достать ртом с пола кольцо. Существовало и такое трудное упражнение: встать с пола на ногах, связанных в коленях и руках, связанных сзади на спине, и притом положенным на пол навзничь. Достижения в этой области одобрялись окружающими. Если подросток не проявлял больших способностей, например у нганасан, его не осуждали и не наказывали. Мальчика постоянно поощряли, создавая ему условия для достижения успеха. Нганасаны считают, что способности человека обнаружатся не в одном, так в другом, так как жизнь все равно заставит их проявить. Дети активно участвуют в жизни семьи. Пример взрослых, их оценки, а также научение определенным навыкам (например, выделка меха, резьба по дереву и т. п.) являются основными в процессе социализации, в развитии способностей детей.

Практически в каждой семье уделяется большое внимание развитию художественных способностей детей. У разных народов при этом существуют определенные особенности. В традиционном обществе большую роль играет личность мастера, причем обычно с девочками занимаются женщины, а с мальчиками — мужчины. В процессе такого общения дети не только приобретают трудовые и художественные навыки, но и приобщаются к широкой области народных знаний. В современной школе такие особенности за редким исключением не учитываются, всех детей воспитывает и обучает один педагог, часто не являющийся художником и мастером. Унификация предметов быта и одежды, а подчас простое отсутствие сырья приводят к снижению общественной значимости, престижности художественных способностей.

Психологическое развитие одаренных детей связано с опережающим развитием нравственности, поэтому особую важность приобретает их раннее приобщение к нравственным ценностям данного общества. Важным средством этого является фольклор. Для народов Севера характерны коллективные прослушивания фольклорных произведений, а также активное овладение фольклором. С 12-14 лет многие дети уже сами рассказывают сказки малышам, особую популярность имеют загадки, которые содержат много полезной информации и развивают познавательные способности детей.

У большинства народов Севера существуют различные театрализованные праздники, в которых обязательное участие принимают дети. Так, у хантов и манси на Медвежьем празднике некоторые роли исполнялись маленькими мальчиками или подростками. Дети присутствовали на представлениях медвежьего праздника, а так как по законам народного театра нет резкой грани между актерами и зрителями, то и маленькие зрители были вовлечены в действие. Значительная часть интермедий носила назидательный характер, в них осуждались лентяи, обманщики, хвастуны, дети и родители, не заботящиеся друг о друге. Яркая театральность, юмористическая окраска представлений, а вместе с тем, их со-

вершенная естественность приводят к тому, что зритель никоим образом не получает впечатления навязывания житейских правил.

Кроме важного фактора нравственного воспитания, такие праздники развивали и художественно-исполнительские задатки маленьких северян. Они сочетали драматическое, музыкальное и вокальное искусство. В XIX — начале XX века подражание пантомимам и танцам медвежьего праздника было одним из любимых развлечений детей на Севере. В настоящее время, когда идет процесс возрождения народных праздников, они могут стать важным фактором развития одаренности детей.

Психологи отмечают развитое чувство юмора, характерное для одаренных детей. Его формирование происходит также через включение детей в народную смеховую культуру благодаря овладению фольклором как в виде устного творчества, так и в форме народного театра.

ТРАДИЦИОННОЕ ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ У ТАЙМЫРСКИХ НЕНЦЕВ

В настоящее время на территории Таймырского автономного округа проживает около 2300 ненцев. Традиционными занятиями у них являются оленеводство, рыболовство и охота. Небольшая часть ненцев работает в клеточном звероводстве и молочном животноводстве.

Как в прошлом, так и теперь воспитание детей ненцев имеет цель подготовить их к труду в условиях тундры, создать предпосылки для становления их профессиональными оленеводами, рыбаками и охотниками.

По устным свидетельствам пожилых ненцев, раньше дети до четырех-семи лет находились, как правило, под присмотром матери. Мальчики с шести-семи лет уже выполняли легкие работы под присмотром отца. Девочки выполняли также работы под руководством матери. С двенадцати-четырнадцати лет дети выполняли часть работы взрослых. Мальчики осваивали навыки ведения оленеводческого хозяйства, охоты, учились ставить капканы и сети, изготавливать орудия труда. Девочки могли не только выполнять работу по чуму, но и вести аргиши.

Уделялось внимание детским игрушкам. Для мальчиков изготавливались луки со стрелами, арканы, миниатюрные нарты, обрубки оленьих рогов различной формы. Для девочек изготавливались куклы. Они внешне были похожи на мужскую и женскую одежду, где вместо головы вкладывался клюз птицы, чаще всего гуся.

Многие элементы традиционного трудового воспитания детей сохранились и по сей день. Хотя дети оленеводов и охотников, находясь в интернате, надолго отрываются от родителей, однако во время каникул, как правило, приезжают на стойбище родителей. Здесь они имеют возможность наблюдать работу оленеводов или охотников, изготовление снаряжения и транспортных средств, сбор и разбор чума, подготовку и проведение аргиша. Дети приучаются управлять нартами, лодкой. Как правило, обучение начинается с того, что детей сажают на маленькие нарты, запряженные одним хорошо обученным оленем. В возрасте десяти-тринадцати лет дети умеют самостоятельно ездить на настоящей нарте. В ряде случаев дети умеют пользоваться огнестрельным оружием и уже с указанного возраста могут участвовать в весенней охоте на гусей.

Дети получают также подробные знания о тундре, флоре и фауне, о природных условиях в разные времена года. Мальчики узнают, как правильно вести аргиши, выбрать место для стойбища, определить пригодность пастбища. В семьях охотников и рыбаков дети приучаются обращаться с орудиями лова, приобретают знания о повадках зверей и птиц, о породах рыб. Девочки же, как и раньше, учатся работать в чуме или балке, шить национальную одежду из оленьего меха, ухаживать за младшими. В это же время дети начинают узнавать основные правила и этику поведения в ненецком обществе, особенности социальной организации, с преданиями о своем народе.

С четырнадцати-семнадцати лет проходит период ученичества в производственных бригадах. Подростки имеют, как правило, опытных наставников, чаще всего из числа родственников. Наставник показывает те или иные производственные операции, учит ориентироваться в тундре, прививает навыки выживания в экстремальных условиях. Особое внимание уделяется умению дежурить в стаде, искать и находить отбившихся от стада оленей, охранять от хищных зверей. В дальнейшем подростки начинают работать наравне со взрослыми, причем совершенствование знаний продолжается: как проводить гон и отел оленей, как обучать передового оленя, тренировать оленегонных собак, изготавливать новые нарты. В рыболовецких бригадах соответственно познаются все тонкости рыбацкого дела: постановка закидных сетей и неводов, сортировка и обработка рыбы, разведка рыболовных угодий.

Что касается детских игр и игрушек, то и здесь сохранено много элементов старых традиций. Ненцы считают, что игра помогает их детям подготовиться к настоящей работе, стать истинными тундровиками. Поэтому в играх преобладает производственно-бытовая тема, притом игрушки в основном те же, что и были раньше: модели нарт и лодок, арканы, луки со стрелами, ножики. Есть, конечно, и игрушки фабричного производства, разные куклы. Наиболее популярные игры у ненецких детей: ловля арканом головок саней, запряжка "олений", сделанных из обрубков рогов, составление "аргиша", постановка "чума" из мелких деталей, стрельба из миниатюрного лука и другие подвижные игры по-

добного рода. Дети не только подражают взрослым, но и проявляют фантазию, изобретательность, развиваются физически.

Воспитанию ненецких детей способствует и фольклор. Среди произведений устного народного творчества есть целый пласт песен, сказок, загадок. Особое место занимают наставления детям. Посредством них передается мудрость прошлых поколений, накопленные знания о тундре, оленях, промысле, о правилах общения между людьми. Эта часть фольклора хранится в фондах Таймырского окружного центра народного творчества.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИНСТИТУТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ

Современное возрождение национальных культур позволяет их поднять до уровня общечеловеческих ценностей, повысить культуру народов.

Собирание и изучение фольклорного и исторического материала в настоящее время бесценно, так как вскоре не станет его живых источников и носителей. Но национальный материал может стать достижением народа и общечеловеческой культуры только при условии его присвоения и овладения им подрастающими поколениями.

Основные дееспособные социальные институты приобщения детей к национальной культуре — семья и общественное воспитание: детский сад (ясли-сад, детский сад — школа, семейный детский сад, детский дом, специальные детские сады), общественные детские организации и др.

Семейное воспитание закладывает фундамент личности, ее моральную основу, формирует доминирующие мотивы благодаря свойственным лишь ему средствам: психологическому микроклимату, интимно-личностному общению, постоянству условий, жизненных ценностей.

Общественное воспитание позволяет педагогически грамотно, последовательно, систематично осваивать с детьми национальную культуру как составную культуры общечеловеческой. Взаимодополняя друг друга, эти основные социальные институты играют решающую роль в овладении ребенком национальной культурой.

В условиях семейного и общественного воспитания используются, хотя и по-разному, определенные средства.

Национальные и общечеловеческие ценности реализуются с учетом условий семьи и общественного воспитания едиными основными средствами:

1. Родной язык создает наиболее благоприятные условия (психологические, физиологические и др.) для современной социализации ребенка, формирования у него речевого мышления, устной литературной речи, уважения к носителям диалектов.

2. Родная история раскрывает ценное духовное богатство — доступные дошкольникам знания о возникновении, становлении и развитии своего народа, нации. Дети проникаются духовностью родного народа, основанной на исторической памяти, ощущают себя его частью.

3. Природа родного края позволяет формировать у детей чувство единства, гармонии природы и человека, элементов экологического понимания мира. Она служит истоком, основой национальной культуры. Природа формирует чувство принадлежности к родному краю, гордость за него.

4. Фольклор во многом доступен восприятию дошкольников. В эмоциональной форме сказок, присказок, пословиц, скороговорок, мирилок, считалок, молчанок, колыбельных отражен культурно-исторический путь народа, его искусство, наконец — судьба.

5. Национальное искусство разных жанров призвано расширить спектр средств приобщения детей к культуре родного народа. Песенное, музыкальное, танцевальное, декоративно-прикладное искусство разносторонне раскрывает интересы, традиции, вкусы разных наций; увлекает детей в практическую самостоятельную художественную деятельность. Таким образом, национальное искусство становится живой силой, удовлетворяющей эстетические потребности детей.

6. Народный календарь — традиционно сложившаяся цепь дат, праздников, традиций, обычаев, обрядов, которые люди отмечают по своей доброй воле. Ценно то, что дети становятся активными участниками подготовки и проведения необычных действий. Каждая дата, праздник, торжество украшено традициями, обычаями, тесно связано с природой родного края, трудом народа, в зависимости от времени года.

7. Национальная символика консолидирует нацию, знакомит с историей, духовными ценностями народа. Эстетические символы воспитывают приверженность к родному краю, дому, семье. Дошкольники способны понять значение символов, проникаются чувствами гордости, причастности к национальным святыням.

8. Семейно-бытовая культура с ее традициями сохраняет тепло семейного очага, несет детям родительскую заботу и любовь, воспитывает уважение к старшим поколениям, своему роду, гуманное отношение к людям, животным, растительному миру. В контексте се-

мейно-бытовой культуры по-иному, уместно звучит фольклор, народная музыка, воспринимается танец. В совместной деятельности со взрослыми дети любовно воссоздают узоры старинных вышивок, используют их в быту.

9. Народным традициям, обычаям, обрядам, нормам и правилам поведения свойственна трансмиссия между поколениями, которая возможна прежде всего в семье. Традиции непринужденно приобщают детей к культуре, морали, духовности народа, реализуясь в привычной семейно-бытовой атмосфере.

В целостной системе рассмотренные средства формируют у детей нравственные ценности: добро, справедливость, национальное самосознание, честь, достоинство.

ОБЩЕСТВО СВЕРСТНИКОВ (АИКУЛАЦВА) В КУЛЬТУРЕ АБХАЗОВ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В традиционном абхазском быту рассматриваемого хронологического периода в социализации детей, подростков и молодежи, важную роль играл опыт их общения со сверстниками. Как только по достижении определенного возраста абхазские дети и подростки получали возможность покидать родительский двор, они значительную часть своего свободного времени проводили в играх и забавах со своими одногодками. Каждое поколение, таким образом, составляло группы сверстников (аикулацва), которые состояли из родных, двоюродных, троюродных братьев и сестер, что было обусловлено принципом патронимического, т. е. родственного поселения, а также детей, не связанных узами родства, но входивших в данную группу в силу соседства. Коллективы сверстников были, таким образом, как и у других народов, основаны на двойных узах — одной возрастной группы и соседства. Группы сверстников складывались стихийно, являлись весьма аморфными образованиями, так как были свободны от каких бы то ни было организационных структур. Хотя, возможно, в прошлом, они были местом формирования мужской части сверстников, составлявших группы воинов для обороны общины или организации набегов — черта, столь характерная для жизни абхазов в прошлом.

Сверстники помогали друг другу, в частности, совместно пасти мелкий скот — овец, коз, иногда и буйволов, загонять скот. Подростки при этом ездили верхом на лошадях, а когда гнали отары с пастбища или водили на водопой к реке, то на обратном пути устраивали скачки, джигитовки, конные поединки и т. д. Соседские дети в кругу сверстников вместе бегали по селу и его окрестностям, наблюдая за флорой и фауной, учась ставить ловушки на мелких птиц. По приезде в село гостя, дети с любопытством и радостью следовали за ним, а если гость был с подростком, завязывалось знакомство. При проведении общинных мероприятий, обычно, выполняли несложные поручения, являлись, в частности, оповестителями о различных празднествах и молениях.

Часто сверстники при хозяйственных работах сообща оказывали друг другу помощь, например, при заготовке дров, погрузке их на арбу, при работах в поле, сборе урожая, а также в крупных коллективных работах, в частности, при строительстве дома, образуя эффективные рабочие группы. Помощь в таких случаях превращалась в своего рода соревнование между сверстниками — кто сделает быстрее и лучше, подстегивая активность всех его членов. При проведении совместных игр, участии в мероприятиях хозяйственной жизни общины в среде сверстников стихийно появлялись свои «предводители», выдвигавшиеся благодаря своим способностям, быстроте и инициативности.

Вечерами, чаще в воскресные дни, организовывались различные сборища сверстников, в основном неженатой и незамужней молодежи. Собираясь в специально предназначенном или произвольно выбранном месте — на поляне, перекрестке, молодежь проводила время в гуляньях, развлечениях, шутках, песнях, танцах. Большое место в воскресных гуляниях занимали различные игры — борьба, поднятие тяжестей, игра в мяч и т. д. Но особенно популярными были конные состязания как взрослых мужчин, так и подростков 8-10 лет.

Роль общества сверстников была значительна во многих сферах жизни абхазов, например, на свадьбах и похоронах. Сверстники принимали самое активное участие при женитьбе юноши, выполняя все предусмотренные обычаем обязанности, вплоть до похищения девушки в случае ее отказа. Организовывалась конная свита, для привода невесты, в которую непременно входили сверстники и друзья жениха.

С этого момента друзья жениха принимали самое активное участие во всех обрядах свадебного цикла — в театрализованных представлениях, танцах, играх и т. д. На свадьбе также присутствовала и группа невесты — ее сверстницы, оказывавшие ей помощь в течение всей свадебной церемонии, делая ей прическу, одевая ее в новый наряд и т. д.

В целом отметим, что общество сверстников способствовало более глубокой социализации детей и подростков для их включения в широкие социальные коллективы. Царивший в коллективах сверстников как младших, так и старших принцип дружественных связей являлся важнейшим в определении характера взаимоотношений между ними. Здесь происходила личностная интериоризация внешних отношений, в процессе которых повышался уровень развития личности, отношения переходили от внешних и случайных к внутренним, устойчивым установкам. В коллективах сверстников дети и подростки, имея возможность автономного от взрослых общения, учились уважать и прислушиваться к мнению друг друга, четко проявлялась характерная для каждого ребенка структура его личности, представлявшая из себя некоторую субъективную трансформацию реакции общества на поведение индивида.

ВЗГЛЯД ЭТНОГРАФА НА НЕКОТОРЫЕ ПОПЫТКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ РУССКИХ
НАРОДНЫХ ВОЕННО-СПОРТИВНЫХ ИГР

Известно, что с глубокой древности до последней трети XIX столетия в Российском государстве не существовало официальной системы военно-физической подготовки населения. Однако именно широкие массы крестьян и горожан, составлявшие основу народного ополчения, нередко решали исход важнейших сражений и войн. Хорошая военно-физическая подготовленность ополченцев, неоднократно отмечавшаяся современниками, дает основание полагать, что отсутствие государственной системы успешно восполнялось неформальными традиционными средствами подготовки к военной службе, главными из которых являлись народные военно-спортивные игры-соревнования. Эти состязания имели у восточных славян чрезвычайно широкое распространение и формировали наряду с физическими (сила, ловкость, выносливость и т. п.) и морально-волевыми (смелость, решительность, воля к победе и т. п.) качествами также чисто военные навыки — основы военного строя, тактики, дисциплины, приемы рукопашного и кавалерийского боя и другие. К такого рода военно-прикладным состязаниям обычно относят различные виды кулачного боя (особенно "стенка на стенку") и борьбы, "взятие снежного городка", фехтование на палках, городки, а также специальные казачьи игры (рубка лозы, конные скачки и другие).

В последние годы заметно оживился интерес к некоторым традиционным русским народным военно-спортивным состязаниям. Имеются также определенные попытки их возрождения: возникают довольно многочисленные клубы и кружки (в том числе детские и юношеские) русской борьбы и кулачного боя (Москва, Владимир, Харьков, Воронеж, Краснодар, Петербург, Рига, Рязань, Старый Оскол, Тверь, Новосибирск, Челябинск и др.), проводятся соревнования различного уровня (вплоть до всероссийских, появляется множество публикаций в периодической печати, посвященных этой тематике. Отрадно констатировать, что этот процесс в целом не спороводается какими-либо шовинистическими мотивами, важность чего трудно переоценить. Положительным, очевидно, является также то, что, наконец, внимание довольно значительной части молодежи начинает переключаться с модных до последнего времени восточных видов единоборств (каратэ, у-шу, тхэквондо и прочих) на отечественные виды рукопашного состязательного противоборства.

Вместе с тем в практике работы клубов, где занимаются народными русскими видами рукопашного противоборства, имеется один негативный, на наш взгляд, момент, на который нам хотелось бы обратить внимание. Дело в том, что некоторые клубы, объявившие о том, что они возрождают русские народные виды борьбы и кулачного боя, на самом деле занимаются тем, что лишь отдаленно напоминает такие игры. Для того, чтобы убедить окружающих и самих занимающихся в "народности", "древности" и "русскости" того, что им предлагается, приемам, ударам, элементам тренировки и т. п. произвольно присваиваются "древне-русские" названия, соревнования обставляются в лубочной манере, на весь процесс занятий напускается "древнеславянский" мистический туман и т. д. Самые крайние проявления такого рода особенно характерны для клуба славяно-горицкой борьбы в Москве, руководимого А. К. Беловым. Так, в своих публикациях и интервью он утверждает, например, что борьба "на щиток" является "одной из наиболее загадочных", "основанных на использовании энергии духа и энергии плоти", тогда как указанный термин представляет собой одно из названий борьбы "не в схватку". Им же настойчиво проводится в жизнь идея о том, что удары ногами были характерным элементом русского кулачного боя, хотя это не подтверждается подавляющим большинством (99,9%) исторических источников и может считаться только очень редким исключением. А. К. Белов широко использует в практике такие термины, как "свила" (объясняется как система уходов и уверток от ударов), "влесова боротьба" (?), "засечный бой" и "радогора" (этими терминами называется, по А. К. Белову, кулачный бой "один на один"), "здрава" (объясняется как система выживания), "задох", "залом", "глезна" (названия приемов борьбы и кулачного боя), "тризна" (трактуются как наиболее древняя школа линейного боя) и так далее и тому подобное. Исследуя более двадцати лет традиционные народные военно-спортивные состязания восточных славян, просмотрев фонды десятков архивов и тысячи единиц опубликованных письменных источников, опросив сотни живых свидетелей этих игр и бывших кулачных бойцов, борцов, мне не удалось обнаружить бытования подавляющего большинства используемых А. К. Беловым терминов, а те из немногих, которые действительно бытовали в

народе, употреблялись в другом смысле. Впрочем, для того, чтобы убедиться в правоте наших утверждений, достаточно обратиться к таким авторитетным источникам, как "Словарь русского языка XI — XVII в. в.", "Словарь русского языка XVIII", "Толковый словарь живого великорусского языка" В. И. Даля. В одной из телевизионных передач, где демонстрировался фрагмент славяно-горицкой борьбы, сопровождавшийся наигрышем на гармонике, А. К. Белов заявил, что таким образом задавался в древности ритм состязаний. При этом он упустил из виду то, что сама гармоника появилась у русских в гораздо более поздние времена. К сожалению, такого рода расхождения с историческими и этнографическими фактами характерны не только для московского клуба славяно-горицкой борьбы. В той или иной степени они присущи и некоторым другим клубам. Однако наряду с этим, есть и такие клубы (например, владимирский под руководством М. Ю. Боровкова), где к вопросам содержания, терминологии, обрядовой стороны и т. п. подходят очень взвешенно, опираются только на исторически и этнографически достоверные факты.

Безусловно, все названные и не названные клубы, системы, школы имеют право на существование, поскольку они привлекают молодежь, детей, юношество к занятиям мужскими видами спорта со всеми положительными последствиями, вытекающими из этого. Однако, на наш взгляд, именоваться клубами русского кулачного боя и борьбы имеют право только те из них, в которых занимаются рукопашными состязательными противоборствами, содержание которых исторически и этнографически достоверно и не содержит компонентов, основанных на домыслах.

Может показаться на первый взгляд, что поднятые здесь вопросы не столь значительны как это полагает автор этих строк: Думается, однако, что несоблюдение этнографической и исторической достоверности при массовых масштабах этого явления может привести совсем не к возрождению достижений традиционной народной культуры, а к их утрате. И тогда, вместо родного нам "Среди долины ровныя...", через некоторое время мы услышим эту мелодию в джазовой обработке без слов, сопровождаемую утверждением, что это и есть истинная русская народная песня.

СТАРИННАЯ НАРОДНАЯ РУССКАЯ ИГРА “ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА”

Известно, что у восточнославянских народов с древнейших времен до конца XIX века существовала стройная неформальная система военно-физической подготовки широких слоев населения, основу которой составляли традиционные народные военно-спортивные игры. Среди последних широкую известность имела игра “взятие снежного городка”.

Несмотря на то, что в последние годы интерес к народным играм заметно возрос, эта игра, обладающая очевидными педагогическими достоинствами, выпала из поля зрения как исследователей, так и педагогов-практиков. Что же представляла собой старинная народная русская игра “взятие снежного городка” (“город бить”, “городок”). До начала состязания на традиционном месте, на центральной площади или на льду близлежащего водоема, из снега сооружался столб высотой около трех — четырех метров и диаметром до двух метров в основании, после чего он обливался водой. На вершине столба водружался флаг. Вокруг столба строили снежные стены высотой около двух с половиной метров, которые также обливали водой, чтобы снег держался крепче, а их поверхность была скользкой. В центре стены сооружали ледяные ворота, по периметру стен сооружались башни, а верхняя кромка их украшалась елочками или ледяными скульптурами. В плане крепость могла быть круглой или прямоугольной. Гарнизон защитников снежной крепости запасался множеством снежков, вооружался метлами, плетками, трещотками. Ими отбивались и пугали лошадей нападавших, которые, конные и пешие, стремились прорваться внутрь крепости, развалить снежный “город”. Игра считалась завершенной только тогда, когда нападающей стороне удавалось захватить флаг, находившийся на вершине столба в центре снежной крепости. Началу взятия “городка” предшествовала обычно шуточная перебранка. Действиями по обороне “городка” и наступлением на него руководили воеводы (“енералы”), имевшиеся у каждой стороны. Наступление, обычно, проводилось несколько раз. При этом использовались разнообразные тактические приемы. Воеводу взятого “городка” было принято купать в проруби, после чего устраивалось всеобщее пирование, а затем участники состязаний с песнями расходились по домам.

В целом ряде регионов игра “взятие снежного городка” была непременным компонентом масленичного праздничного комплекса. Она устраивалась в масленичную субботу, а чаще всего в прощенное воскресенье. В игру вовлекалось большинство мужского населения начиная с мальчиков. Женщины и люди пожилого возраста находились среди зрителей, живо переживая перипетии состязания. Это создавало общий эмоциональный настрой, объединяло членов сельского общества, представляло как бы смотр сил общины накануне наступления нового цикла сельскохозяйственных работ. “Взятие снежного городка” как элемент русской масленицы изобразили в своих произведениях В. И. Суриков, В. Я. Шишков, Д. Н. Мамин-Сибиряк, К. Ф. Седых, И. Чернев, В. И. Баябин и ряд других художников.

Большинство исследователей полагает, что бытование рассматриваемой игры ограничивается в основном Сибирью. Однако при более тщательном изучении обнаруживается, что она имела определенное распространение в Рязанской, Тульской, Пензенской, Симбирской, Оренбургской губерниях, а также в Тверской и Уральской областях. В числе названных имеются, как видно, регионы, довольно далеко расположенные от мест традиционного расселения казаков, что закладывает сомнения в отношении часто высказываемых исследователями предположений о казачьих корнях этой игры. Тем более, что известен довольно распространенный вариант состязаний, в котором наступающие шли “город ломать” исключительно пешими. Основываясь на рассмотрении конструкции снежного “городка”, М. М. Громыко высказала предположение, что эти “городки” восходят к древнеславянским капищам. По мнению А. Н. Афанасьева, в игре “взятие снежного городка” присутствует символика противоборства зимы и весны. В целом же в XIX — начале XX в. в. эта игра являлась военно-спортивным состязанием, магические элементы в ней были выражены довольно слабо.

Как бы то ни было, очевидно, что старинная народная русская игра “взятие снежного городка” является одной из немногих среди традиционных военно-прикладных игр, которая доступна и взрослым, и детям, практически лишена опасности травматизма, обладает педагогической эффективностью и может быть, по нашему мнению, успешно использована в современной педагогической практике.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ДЕТСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АНСАМБЛЯ
ИРКУТСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО КЛУБА

Учрежденный в декабре 1991 г. государственно-общественной организацией, Иркутским областным отделением фонда социального развития России "Возрождение", Иркутский фольклорный клуб занимается реализацией программы "Школа народной культуры", имеющей цель возрождения песенных, танцевальных, игровых, рукодельных, семейных обрядовых традиций народной культуры региона. Это направление теории и практики тесно связано с опытом работы детского этнографического ансамбля.

Ансамбль организован четыре года назад. В составе ансамбля дети и подростки (возраст участников от 9 до 15 лет). Репертуар основан исключительно на полевых музыкально-этнографических материалах, собранных в экспедициях руководителями ансамбля. С 1989 г. в экспедициях участвуют и дети. Совместная работа в экспедиции является педагогическим практикумом общих научных исследований, где тесно связаны творческие и воспитательные задачи. Непосредственно обучаясь у носителей традиции, ребята осваивают детские игры с пением, календарные песни, хороводы, пляски, с сохранением местных особенностей пения, говора, хореографии. Многие родители приняли занятия детей близко к сердцу, для их совместной деятельности открылись целые направления работы: вышивка, изготовление копий традиционной крестьянской одежды, вязание и т. д. Жизнедеятельность ансамбля осуществляется в соответствии с народным календарем, имеется репертуарная оснащенность по всем его периодам: масленичный цикл, рождественский цикл, новогодние и крещенские общения, ряжение в Филипповки, Пасхальная неделя, Троицкая неделя и т. д.

Тесная связь ансамбля с носителями традиций способствует пробуждению национального самосознания. Так, в базовом для нас селе Харат возродились местные обычаи празднования Масленицы и сформировался детский фольклорный ансамбль из внуков и правнуков.

Вторым направлением является деятельность ансамбля, связанная с базовым детским садом № 136 в г. Иркутске, где ведется работа по круглогодичной спецпрограмме, опирающейся на народный календарь.

Цели и задачи — обеспечение возможности доступа детей к богатейшему наследию традиционной культуры во всем многообразии, защита детей от демонстрационно-показных форм использования фольклора, уродующих естественное его восприятие, преодоление искусственно создаваемой обособленности, отчужденности поколений.

В результате постоянства контактов с детским ансамблем, ребятами детского сада осваивают песенно-игровой репертуар, и он становится общим достоянием.

Критерии нашей программы — в развитии всеобщей "памяти" и самосознания населения, возможности восстановления отношения между человеком и его природным окружением, продуцирования исторических, культурных и социальных ценностей из прошлого в настоящее и будущее.

Мы ставим своей задачей превратить ансамбль в организацию, активносодействующую социализации этой теории.

ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Тульский край имеет прямое отношение к истории исследования русского фольклора. Из Тулы происходил уральский купец П. А. Демидов. По данным историков, у него хранились былины и исторические песни Кириши Данилова, которые “с голоса сибирских людей” были записаны для богатого купца. С Белевским уездом XVIII в. связано имя Б. А. Левшина, — рассказчика русских сказок, вдохновленного русскими витязями, богатырями. Уроженцем Тулы был один из первых исследователей русских сказок И. П. Сахаров, основоположник тульского краеведения. В Туле жил и работал, бывал в Ясной Поляне П. В. Шейн. Народное творчество вдохновляло Л. Н. Толстого, который отсылал песни тульского края П. И. Чайковскому. В литературных произведениях И. С. Тургенева даются яркие образы народных исполнителей. На родине “Певцов” — Колотовке и Бежином Лугу проходят традиционные литературно-музыкальные праздники. Можно назвать имена русских писателей В. Жуковского, братьев Успенских, В. Вересаева и других, которые внесли свой вклад в сохранение народной культуры. Немало тульских мастеров известны России и миру: от Левши и Баташовских самоваров до современных мастеров-оружейников. Это благодатный материал для воспитания подрастающего поколения, привития любви к родному краю, истории государства российского.

Что же в настоящее время делается для развития народного искусства? Здесь определено несколько направлений практической работы:

- а) подготовка и переподготовка кадров; повышение квалификации;
- б) создание фольклорно-этнографических фондов (ФЭФ), как научно-методической базы деятельности музеев, учреждений культуры, туризма, народного образования, развития фольклорного творчества;
- в) возрождение престольных, локальных народных праздников, обрядов;
- г) создание и оказание практической, научно-методической помощи фольклорным формированиям (школам народной культуры, фольклорным клубам, коллективам);
- д) развитие тульских промыслов и ремесел.

На IV Виноградовских чтениях в Новосибирске, выступая на подведении итогов, мы рассказывали о подготовке к открытию в училище культуры специализации “Педагог-фольклорист, руководитель фольклорного коллектива”. Сегодня мы можем сказать о том, что учащиеся этой специализации уже завершают первый год обучения. Это в основном директора, художественные руководители, методисты клубных учреждений районов области. Несмотря на то, что это начинающие исследователи края и практические работники, ими уже проведены занятия в школах народной культуры на местах, собран материал по истории сел, подготовлен анализ национального состава и выявлены диаспорные группы, проведены беседы с информаторами по изучению фольклора и этнографии региона; они учились мастерить филимоновскую игрушку и др.

Повышение квалификации рассматривается вне ведомственного подхода, намечаются формы взаимодействия учреждений культуры и народного образования. В институте повышения квалификации учителей нами читаются лекции по детскому фольклору (на материалах Тульской области), проводятся практические игровые занятия. Тульский ОНМЦ НТ проводил с работниками культуры и внешкольными детскими учреждениями практические занятия по вышивке, привлекая народных мастериц.

В изучении фольклора большое значение придается занятиям творческой лаборатории в районах области. Например, два занятия были проведены в Чернском районе, где изучались певческие стили (духоборов, Долматовского фольклорного коллектива, ансамбля Троице-Бачуринского СДВ), анализировался репертуар, давалась методика работы с фольклорным коллективом. В октябре 1991 г. в Туле проведено двухдневное занятие творческой лаборатории для руководителей фольклорных коллективов клубных учреждений и народного образования. Здесь делились опытом и методикой сбора музыкального фольклора артисты ансамбля Д. Покровского, артистка С.-Петербургской детской филармонии Л. Н. Иванищенко знакомила с методикой работы над фольклорным произведением устного народного творчества.

Практические работники принимали участие и в Российском семинаре “Битца” в Москве, где молодые руководители и преподаватели училища культуры общались с фольклористами, изучая опыт и методику работы с коллективом.

В целях изучения местных традиций в областной конкурс профессионального мастерства клубных работников (ноябрь 1991 — февраль 1992) были включены задания по сценической постановке народного обряда. Интересными были календарные и семейно-бытовые обряды Щекинского, Плавского, Каменского, Чернского, Суворовского, Новомосковского, Белевского и др. районов.

Среди задач, которые в настоящее время стоят перед комитетом по культуре, ОНМЦ КТ, учебными заведениями, можно выделить две: отработка механизма введения новых специализаций в учебных заведениях культуры и искусства, позволяющих дифференцированно, небольшими группами, выпускать специалистов, способных удовлетворять социальный заказ в сфере народного искусства, сохранения культурного наследия. Вторая задача заключается в организации единой мобильной системы повышения квалификации по вопросам фольклора и этнографии учреждений культуры и народного образования.

С 1991 г. в области и районах уделяется внимание формированию и расширению ФЭФ. В ОНМЦ издано описание фондов и рукописей за 1991 г., куда вошли публикации методических материалов, видеофильмы, сбор костюмов, магнитофонных записей и рукописей экспедиционных выездов. С марта 1992 г. Чернский отдел культуры с работниками музея и РДК расширяют свой фонд записями фольклорных коллективов, рукописями, научно-методическими разработками по фольклору, народному костюму, народным праздникам и обрядам и др.

Среди проблем, которые встречаются в связи с комплектованием фондов — материально-финансовая база и, главное, наличие подготовленных кадров. Систематическая фольклорно-этнографическая деятельность требует углубленной научно-методической, творческой подготовки.

Одно из перспективных направлений — возрождение народных праздников и обрядов. Однако можно привести пока лишь отдельные примеры. В Говоренках Одоевского района фольклорным ансамблем народных певцов возрождены рождественские колядки и др. Исследования праздничной культуры показывают еще живые традиции, например, в Троице-Бачурино на прощенный день девочки катаются на лошадях, разукрашивая сани, украшая лентами, цветами лошадей. В Тургенево можно возродить Троицу, включающую поминовение предков на кладбище, гуляние и трапеза в роще, обряд похорон куклы в реке Снежедь и т. д.

Одним из важнейших направлений в фольклорно-этнографической работе может стать восстановление в быту и в самодеятельном прикладном творчестве традиций тульских мастеров. Реальные условия для этого имеются: во всех районах есть мастера, десять лет существует ассоциация «Союз тульских мастеров», в Белевском и Одоевском районах работают мастерские по местному промыслу. Определенная работа проводится художественным фондом. Ведет поиск новых форм система народного образования (обучение традиционным ремеслам; устраиваются выставки-продажи, биржи и др.).

Многие идеи, которые высказывались на Виноградовских чтениях, получают реальное воплощение в практической работе с детьми. Но, нам кажется, рассматривать творчество детей изолировано от фольклорного творчества взрослых невозможно. Запоет мама — запоют и дети, будет мастерить папа — будут увлечены все. Поэтому проблемы изучения и развития детского фольклорного творчества мы рассматриваем в комплексе существующих проблем и задач.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В МОЛОДЕЖНОМ ДВИЖЕНИИ РОССИИ (1916 — 1917 г. г.)

В педагогической науке прошлого века в особую ветвь ее развития выделилась проблема отрочества, которую тонко почувствовали и талантливо отобразили в своих произведениях Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский.

Судьбы отрочества непосредственно связаны с промышленной революцией и процессом формирования гражданского общества. Термины “подросток”, “молодежь” получили новое звучание и наполнились совершенно новым, прежде всего социально-политическим содержанием.

Молодое поколение стало играть активную и самостоятельную роль в процессе общественного развития. Впервые за всю многотысячелетнюю историю человеческой цивилизации в конце XIX века стали появляться детские, подростковые молодежные организации со своими специфическими культурными, познавательными, спортивными интересами.

Одна из существенных причин стремления детей, молодежи к объединению в собственные организации на рубеже XIX-XX веков — это потребность и необходимость общения друг с другом, сопереживания, возможность самовыражения, самоутверждения и самореализации.

Наиболее доступным и естественным каналом самовыражения и самореализации для детей и подростков является искусство. Маленькому, молодому человеку легче и доступнее выразить себя, свое отношение к окружающей природе, к людям в форме живописи, стихов, танца, пения, музыки, нежели проявить свою личность в науке, производстве или политике, при явном недостатке знаний, опыта и просто физических качеств. Поэтому, очевидно, в первую очередь стали возникать объединения детей и подростков культурно-просветительной и оздоровительно-спортивной направленности.

Одним из таких первых объединений в России является рязанский Дом Юношества (ДЮ), образованный в 1916 г. с разрешения властей, что для России того времени было редким событием.

Население г. Рязани в 1916 г. составляло всего около 40 тыс. человек и из них примерно 10 тыс. — учащиеся, что создавало в городе определенные проблемы. “Прогулки” молодежи на Почтовой улице, заполняющей узкие тротуары, приняли по мнению торговцев, обратившихся к губернатору со специальным письмом, “грандиозные” размеры и стали мешать торговле.

Перед городским обществом всерьез встала проблема необходимости организации свободного времени учащихся. По этому поводу 16 января 1916 г. в здании гимназии В. П. Екимецкой состоялось совещание членов родительских комитетов по вопросу о мерах предоставления учащимся средних учебных заведений г. Рязани возможности разумного препровождения своего свободного времени и тем самым отвлечь их “от тлетворного влияния улицы”. На собрании присутствовало свыше 100 человек. На нем много говорилось о том, что родители уделяют мало внимания воспитанию детей.

При обсуждении вопроса обозначилось два мнения. Одни считали, что нужно организовать особое общество, которое учредило бы “Дом Юношества” или “Клуб для учащихся” по американскому образцу клубов молодежи, другие говорившие высказались за немедленное вхождение в состав Общественно-педагогического кружка (ОПК) с образованием особой секции и началом организации разумных развлечений. По мнению участников собрания “Дом Юношества” должен был служить для заполнения бездны, существовавшей между учащимися, учащими и родителями.

Идея о создании “Дома Юношества” встретила поддержку не только у интеллигенции и имущих классов, но и у рабочих. Родители делали первые денежные взносы на постройку ДЮ, которую планировали городские власти.

Фактическая деятельность ДЮ началась с февраля 1916 г., а в июле было получено официальное разрешение министерства народного просвещения на открытие в Рязани ДЮ. Торжественное открытие первого в России “Дома Юношества” состоялось 8 сентября. К этому времени был выработан устав юношеского объединения и определена его структура.

Работу ДЮ предполагалось осуществлять по 5 основным направлениям: 1) филантропическая деятельность, 2) умственное развитие, 3) физическое воспитание, 4) умственная гимнастика, 5) эстетическое воспитание.

В ДЮ входили учащиеся 14-17 лет, дети служащих и рабочих. В ДЮ читались лекции, проводились беседы и диспуты по доступным для юношества темам, на которые приглашались известные профессора из других городов, ученые из-за границы. В составе ДЮ функционировали научный, богословский, литературный, музыкальный, драматический, ремесленный и помощи жертвам войны кружки, журнальная комиссия, бюро труда, книжная лавка, школьная касса.

На высоком уровне находилась спортивная работа и художественное творчество. Подростки изучали театральное искусство, ряд тем по теории музыки и искусства. Устраивались спектакли, концерты, литературно-музыкальные вечера. В мае 1916 г., например, в лагере для раненых по просьбе нижних чинов был дан благотворительный концерт, а во Всесословном собрании устроен спектакль по комедии Островского "Не так живи, как хочешь".

В литературном кружке ДЮ занималось 14 человек. 20 декабря 1916 г. вышел первый номер журнала известий ДЮ — "Голос молодежи". Многие участники литературного и других кружков стали впоследствии известными учеными, специалистами, писателями. Среди них — видный советский писатель Степан Злобин, автор популярного романа о Степане Разине.

При ДЮ существовал огород, на котором ребята выращивали овощи, шедшие на благотворительные цели. Так, однажды "Общество попечения о бедных детях г. Рязани" попросило ДЮ выделить с их огорода капусты для детей-сирот, что и было с охотой выполнено. Другая часть капусты с того же огорода попала в приют ОПК. Кроме того, ДЮ с помощью городского головы организовал столовую для учащихся, где обед из двух блюд и стакана чая стоили 50 коп., а для менее обеспеченных 20 и 10 коп.

В ДЮ было предпринято устройство мастерских для работы на нужды армии; "Бюро труда" для подыскания подходящей работы неимущим; садов, яслей и очагов для детей беженцев и воинов, где воспитанницы старших классов могли приложить свои умения и энергию; организовывались сельскохозяйственные дружины для помощи семьям запасных воинов, ушедших на войну.

Рязанский Дом Юношества, разумеется, никак не назовешь революционным союзом молодежи, его деятельность преследовала явно культурнические общеобразовательные и оздоровительные цели, но ДЮ все же сыграл прогрессивную роль в объединении юношества губернского города, опыт его деятельности послужил хорошей основой для работы с молодежью после революции.

Долгие годы это первое устойчивое и хорошо налаженное молодежное объединение носило ярлык кадетского. Дело в том, что идейным вдохновителем ДЮ являлась директор гимназии В. П. Екимецкая, которую заочно записал в кадеты А. В. Елагин, давший крупный заем на постройку гимназии. Екимецкая, понятно, не сочла возможным отказаться. Других кадетов в гимназии не было, но данное обстоятельство стало решающим после Октябрьской революции, когда члены партии кадетов 28 ноября 1917 г. были объявлены врагами народа, а партия запрещена.

Помимо того, партию большевиков не устраивала организация молодежи, занятая только культурным воспитанием юношества, далекая от политики, а тем более от поддержки новой власти. ДЮ посчитали одновременно и кадетским, и мелкобуржуазным, и бесполезным, и даже вредным. В ноябре он был закрыт. В последующие годы пролетарское государство строго дозировало и регламентировало допуск культурного творчества, отдыха, разрядки. Широко была дозволена лишь так называемая художественная самодеятельность, сурово ограниченная идеологическими рамками.

Физическое сокращение времени на культурное и интеллектуальное развитие повлекло развитие компенсационных форм самосознания и самоутверждения детей и подростков через ортодоксальную идеологию и ложно понятую политику. В молодежном и детском движении России утвердилась монополия только двух идеологических, политизированных организаций — ВЛКСМ и пионерской.

М. В. Семенцов (г. Краснодар)

ДЕТСКАЯ НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА КУБАНСКИХ КАЗАКОВ
(по полевым материалам 1983-1991 годов)

Для рассмотрения народной медицины как системы более всего подходит тот ее раздел, который связан со стабилизацией и охраной жизни ребенка ("детская" или "младенческая" народная медицина). При этом учитывается деление традиционного общества на возрастные группы, прослеженное по пережиточным явлениям у русских конца 19 — начала 20 в., Н. П. Гриневой, которая выделила четыре группы: 1 — младенчество; 2 — группа людей, вступивших в зрелость, но еще не имеющая детей; 3 — группа матерей и отцов; 4 — группа дедов и бабок.

Выбор в качестве объекта исследования именно "детской" ("младенческой") народной медицины обусловлен следующими причинами: 1. "Детская" народная медицина чрезвычайно насыщена магическими элементами, которые, впрочем, используются как в конструктивных, так и в деструктивных целях. 2. Здесь наличествует теснейшая связь с фольклором (через сказки, прибаутки, заговоры, песни, присловья, пословицы и т. д.). 3. Народные представления о жизни (смерти, здоровье) болезни, отраженные в системе традиционных запретов и нормах поведения, наиболее значимы именно для этого возраста. 4. Наконец, в силу вышеизложенного, эта часть народной медицины имеет наибольшие этнически маркированные признаки, что делает актуальным ее изучение для сравнительно-генетических исследований.

"Детская" народная медицина может рассматриваться и в качестве уменьшенной модели традиционно-бытовой медицины, и на ее примере возможно проведение анализа всего явления.

Классификацию форм "детской" медицины следует построить, по нашему мнению, исходя из следующих факторов: 1. Назначение и функции. 2. Характера используемых средств. В таком случае, классификация по наиболее важным формам народной медицины кубанских казаков будет выглядеть следующим образом: 1. Народные этиологические представления. 2. Демопатические приметы. 3. Традиционная диагностика. 4. Запреты и нормы поведения. 5. Охрана и стабилизация жизни ребенка. 6. Уход за новорожденным ребенком. 7. Лечебные средства и способы лечения.

Необходимо оговориться, что при этнографическом подходе к народным медицинским знаниям, проблема рациональности и целесообразности традиционных средств стабилизации и сохранения здоровья отступает на второй план, уступая место оценке этого явления как этнокультурного феномена, в рамках которого любое нарушение можно удовлетворительно оценить, объяснить и решить, исходя из представлений о бинарной структуре мира, характеризующейся крайней ритуализацией поведения.

1. Народные этиологические представления

В демопатических представлениях кубанских казаков можно выделить две группы представлений о природе болезни. Некоторые заболевания, возникающие из вполне реальных причин, воспринимались как естественные явления. Причиной болезненного состояния могло быть употребление нездоровой пищи, переохлаждение, травма, укус животного, неосторожное обращение с огнем и др. Но наряду с реальными причинами предполагались и сверхъестественные, связанные в народном мировосприятии с магико-анимистическими и религиозно-мистическими представлениями ("Божа кара", "порчь", "сглаз", "наговор", нарушение укоренившихся норм поведения и запретов, непредвиденное, неблагоприятное событие или явление природы: ветер, роса, встреча с носителем вредоносной силы, дурной сон).

Наблюдался, таким образом, уход от реальных причин, отсутствие точных патологических моделей, которые могли бы послужить основой для нозологии.

2. Демопатические приметы

Врачевальные приметы содержат в себе дополнительную информацию, призванную облегчить постановку диагноза, сообщают некоторые сведения о здоровье больного ребенка.

На Кубани зафиксированы два основных вида примет: 1. Содержащие сведения о характере и продолжительности жизни ребенка; 2. Связанные с тем или иным заболеванием, несущие информацию о возможном течении болезни.

3. Традиционная диагностика

Народные способы распознавания болезней базируются на традиционных этиологических представлениях, приметах, гаданиях, которые служили дополнительными источниками получения сведений о заболеваниях.

Распознавание некоторых болезней, наиболее доступных зрительному восприятию (кожных, хирургических), облегчалось поверхностной локализацией. Проверка эффективности лечения, в этих случаях, была вполне наглядной.

Гадания о жизни (смерти, здоровье), болезни ребенка немногочисленны в общем комплексе народных медицинских знаний. Их можно подразделить на несколько групп: 1) гадания, связанные со здоровым ребенком; 2) гадания, связанные с больным ребенком.

4. Запреты и нормы поведения

Несоблюдение укоренившихся в традиционной памяти норм поведения, запретов, могло, по народным представлениям, способствовать возникновению болезней.

Выделяется несколько групп запретов, призванных предохранить ребенка от неблагоприятных воздействий: 1) запреты, связанные с родителями ребенка; 2) запреты, связанные с поведением ребенка; 3) запреты, связанные с сакральными днями и обрядами; 4) утилитарные запреты.

Следует отметить, что граница между утилитарными и магическими запретами нередко носит условный характер. Так, запрет показывать ребенка чужим людям, чтобы предохранить его от "сглаза", объективно предохранял его от заражения различными инфекционными болезнями. А запреты передавать ребенка в окно, кормить его рыбой ("будет нем как рыба") объективно способствовали уменьшению детского травматизма.

5. Охрана и стабилизация жизни ребенка

У кубанских казаков существовала целая система охранных, профилактических мер, направленных на стабилизацию жизненных сил ребенка. В этом комплексе можно выделить такие группы: 1) охранительно-стабилизирующие действия и обряды; 2) обереги.

Превентивные обряды, направленные на сакрализацию различных этапов развития ребенка (появление ребенка на свет, выход последа, отпадание пуповины, первое купание ребенка, появление первых зубов, первый шаг, первая стрижка волос), на пути обретения им социально-культурного статуса, отражали глубоко укоренившееся традиционное представление о нестабильности жизненного тонуса ребенка, которое, помимо опытно-практических наблюдений, основывалось на архаичном взгляде на жизнь малыша как на явление, находящееся на грани двух миров: реального и трансцендентного.

6. Уход за новорожденным ребенком

По свидетельству дореволюционных источников, детская смертность на Кубани была довольно высока. Так, в 1869 году число умерших детей, не достигших пятилетнего возраста, составляло 58% от общего числа людей, умерших за год.

Как свидетельствуют этнографические материалы, подавляющее большинство женщин рожало при помощи традиционной повитухи ("бабушки", "пупоризной бабки", "повивальной бабки"), которая использовала утилитарные и магико-терапевтические средства лечения и ухода за ребенком и роженицей.

7. Лечебные средства и способы лечения

В "детской" медицине кубанских казаков сосредоточен весь спектр традиционных терапевтических навыков, выработанных за столетия. Можно выделить здесь пять основных групп, не претендуя при этом на полный охват явления: 1) целебные растения; 2) лечебные ритуалы; 3) целебные минералы; 4) физиотерапевтические средства; 5) целебные животные.

Завершая рассмотрение "детской" народной медицины кубанских казаков, следует сказать, что ни по своему составу, ни по характеру используемых средств эта часть народных медицинских знаний существенно не отличается от медицины "взрослой". Однако ее необычайная стойкость во времени, сохранение многочисленных магических элементов говорят о влиянии на ее развитие архаичных явлений, воззрений на жизнь и здоровье ребенка, обуславливающих сохранение всеобъемлющей системы, направленной на поддержание жизнеспособности потомства, благополучие которого считалось не личным достоянием, а залогом благополучия общины.

ДЕКАБРИСТЫ И ДЕТИ

(некоторые проблемы воспитания и обучения детей в общественно-политической деятельности декабристов в Сибири)

На одном из судебных заседаний по делу о восстании 25 декабря 1825 года на Сенатской площади, вошедшем в историю как восстание декабристов, сенатор Мордвинов выдвинул идею создания из государственных преступников Сибирской Академии наук. И это было не просто жестом или неудачной выходкой чудокватого сенатора. Интеллектуальный потенциал каждого из 121 декабриста, отбывавшего каторгу и ссылку в Сибири, был необычайно высоким. Рюриковичи, гедеминовичи, представители знатных дворянских фамилий были людьми образованными.

Многие из них закончили лучшие учебные заведения России. Иные из декабристов вели преподавательскую деятельность до восстания.

К примеру: Н. В. Басаргин был оставлен при Московском учебном заведении для колонновожатых "для преподавания математических лекций", Д. И. Завалишин — в Морском корпусе, А. О. Корнилович преподавал статистику и географию в школе топографов и училище для колонновожатых, В. К. Кюхельбекер преподавал русский и латинские языки в Благородном пансионе при Главном Педагогическом институте, В. Ф. Раевский организовал в полку ланкастерскую школу, был начальником дивизионного учебного заведения.

Выйдя на поселение, в ссылку, "выпускники" Читинской и Петровск-Заводской академий — декабристы придавали обучению и воспитанию детей большое значение. Так, В. С. Толстой, будучи в ссылке в Тункинской крепости, обучал крестьянских детей грамоте. Еще в 1900 году в селе Тунка здравствовали ученики декабриста. В. Ф. Раевский устроил в Олонках школу. И. Д. Якушкин в Ялуторовске, в 1840 году, основал ланкастерское училище для мальчиков, а в 1846 году такое же училище для девочек. Школы И. Д. Якушкина процветали. В ланкастерскую систему обучения Иван Дмитриевич Якушкин внес то новое, что появилось к тому времени в педагогической науке. Е. П. Оболенский на поселении занимался педагогической деятельностью, принимая активное участие в ланкастерских школах, созданных И. Д. Якушкиным. Педагогической деятельностью занимались также братья Борисовы, И. И. Горбачевский, братья Бестужевы, А. В. Поджио, А. П. Юшневский, Д. И. Завалишин.

Можно с полным правом утверждать, что практически каждый декабрист в той или иной степени занимался педагогической деятельностью: не важно, были ли это школы или отдельные ученики, важен итог. Итог — в учениках. Общеизвестно, что среди учеников декабристов много интересных, замечательных людей, оставивших след в истории России. В воспоминаниях П. И. Першина-Каракарского читаем: "Понятно, что декабристы ответили на запрос и были хоть для маленького кружка просветителями и учителями, разумеется, учителями не в школьном смысле. Впрочем, и в последнем случае по недостатку педагогического персонала они охотно брали на себя обязанности домашних учителей и руководителей по воспитанию юношества".

Здесь же, в воспоминаниях П. И. Першина-Каракарского читаем: "Он (М. А. Бестужев — А. Б.) был преподавателем при детях местного купца Д. Д. Старцева. Старший сын Семен Дмитриевич, приготовленный Михаилом Александровичем, уехал в Москву в университет, двое младших, в возрасте 14-15 лет, проходили под непосредственным руководством Михаила Александровича гимназический курс".

Ученики М. А. Бестужева — Старцевы работали в провинции (юриспруденция) и оставили по себе добрую память.

М. С. Знаменский — ученик декабристов, художник и общественный деятель, исследователь археологических памятников Сибири, другая ученица декабристов О. Н. Балакшина, Н. А. Белоголовый — еще один ученик "государственных преступников", врач, общественный деятель. В их воспоминаниях много добрых, теплых слов, человечности. Человечность и нравственность, духовность и патриотизм — эти непреходящие ценности были основополагающими в общественно-политической деятельности декабристов в Сибири. У Н. А. Белоголового есть интересные характеристики декабристов, их педагогических, общественно-политических воззрений.

В своих мемуарах Н. А. Белоголовый заметил: "Они (декабристы — А. Б.) сделали меня человеком, своим влиянием разбудили во мне живую душу и приобщили ее к тем благам цивилизации, которые скрасили всю мою последующую жизнь. Более всех из них я обязан этим своим пробуждением Ал. Викт. Поджио".

Занимаясь педагогической деятельностью, декабристы заботились о просвещении и воспитании, о нравственном прежде всего воспитании. Духовное начало — это основа педагогической деятельности декабристов, их общественно-политической деятельности в Сибири.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЭКРАН СИБИРИ — ДЕТЯМ

Почти десять лет отдала я работе в детской редакции Иркутского телевидения. И когда перешла на Восточно-Сибирскую студию кинохроники, вспоминала о своей первой работе, как о первой любви. Сколькую фантазии вкладывали мы в детские передачи, как свободен был полет воображения. А на хронике поначалу: события, факты — факты, события. Дело в том, что в те годы правил бал репортаж. После многих лет грубой постановочности документальное кино возвращалось к изображению “жизни врасплох”. Но этот прекрасный принцип Д. Вертова стал своеобразной модой. И, как всякая мода, был превращен эпигонами мастера в абсолюта. Все другие методы съемок изгонялись как крамола. Скучновато было работать в этих жестких рамках фактографии. Хотелось вернуться и к детской тематике, и к творческой свободе. Так возникла идея создания специальных выпусков киножурнала “Восточная Сибирь” для детей. На первых порах моими союзниками стали кинооператоры Е. Корзун, Ш. Седен-Оол, А. Сидлер. Потом, увидев, какие творческие возможности открывает детская тематика, стали работать в этом направлении и другие операторы. И действительно, в каком “взрослом” фильме можно было без риска прослыть сумасшедшим пустить вниз по течению реки фарфоровый сервиз и снимать, как эта сказочная флотилия, сделанная в форме лодок, плывет-покачивается на бликующей от солнца воде. А в фильме для детей это вполне естественно: смотрите, вот откуда художник-керамист позаимствовал форму для своего сервиза (Киножурнал “Восточная Сибирь” № 24 за 1984 год. “За белым горностаем*”).

Еще изобретательней использовал этот прием оператор Ш. Седен-Оол в детском спецвыпуске “Танец орлят” (к/ж “Восточная Сибирь” № 35 за 1985 год). Он, как в кукольном фильме, “оживил” музейную коллекцию миниатюрных скульптур тувинских камнерезов, сделав фигурки мастеров действующими лицами народных сказок и преданий. Наши кинооператоры и прежде не раз снимали поделки тувинских камнерезов. Но снимали “как в жизни”, то есть на унылых музейных стендах в сопровождении рассказа скучноватого экскурсовода и показа лиц зевающих посетителей. Надо ли говорить, насколько эмоциональней, экспрессивней, а главное ближе к их истинной фольклорной сути был вариант, предложенный оператором Седен-Оолом в фильме для детей.

За несколько лет было снято четырнадцать десятиминутных лент и множество 2-3-минутных детских сюжетов. Были среди них удачные работы, были и не очень. Но все они резко выделялись из набивших оскомину “производственных” сюжетов. Все они украшали и разнообразили выпуски киножурнала, а у детского зрителя воспитывали интерес к документальному кино. Об этом свидетельствовали многочисленные встречи с детской аудиторией в кинотеатре “Пионер”, в клубе выходного дня Иркутского Дворца профсоюзов, в лагерях летнего отдыха, где все эти фильмы принимались “на ура”.

Остановлюсь подробнее на тематике снятых лент. Прежде всего это любимые детьми рассказы о животных: “Нарисуй птицу” (к/ж “Восточная Сибирь” № 31 — 1985 г.), “Мазстро Беркутчи” (к/ж “Восточная Сибирь” № 14 — 1989 г.) “Друг мой — лайка” (к/ж “Восточная Сибирь” № 32 — 1991 г.). В эту программу мы обычно включали и старый 1959-го года фильм А. Белинского “За баргузинским соболем”.

Миру детского творчества и миру увлечений были посвящены также спецвыпуски, как “Капитан уходит в ... школу”, “Оля, мама и сани”, “Танец орлят”, “Алиса в стране чудес”, “Андрюшкин космос”, “Солнечные блики” (киножурналы “Восточная Сибирь” № 28 за 1984 г., № 11 за 1987 г., № 35 за 1985 г., № 17 за 1987 г., № 13 за 1988 г., № 14 за 1988 г.).

Были среди детских выпусков и рассказы о людях интересных профессий: “За белым горностаем”, “Взрослые, которые играют в куклы”, “Нарисуй птицу”, “Приглашение в гости”, “Вернется ли Наумов” (киножурналы “Восточная Сибирь” № 24 за 1984 г., № 7 за 1985 г., № 31 за 1985 г., № 8 за 1986 г., № 2 за 1988 г.).

Как же строилась драматургия этих лент? Конечно, каждая тема требовала своего решения, но было в них и нечто общее: это наличие одного или нескольких документальных героев, через которых строился рассказ. Среди этих героев писатель Г. Граубин, учитель и эколог В. Наумов, яхтсмен А. Франго со своим семилетним сыном Алешей, актеры куколь-

*Горностаи — фирменная марка продукции Хайтинского фарфорового завода.

ного театра, чемпион республики по тувинской национальной борьбе “хуреш” И. Хураган, дрессировщик беркутов и многие другие.

Общим принципом работы над фильмами для детей была и их насыщенность познавательным материалом: этнографическим, историческим, географическим, фольклорным. Причем делалось это ненавязчиво, не столько в текстовой части фильма, сколько в изобразительной, памятуя, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Текст строился обычно на фольклорно-сказочном материале, или на синхронных рассказах знатоков, часто голоса сказочника и комментатора перемежались, дополняя и обогащая друг друга.

Инициативной группой Восточно-Сибирской студии кинохроники была разработана программа деятельности творческого объединения “Надежда”, призванного снимать фильмы для детей. Девиз объединения: “Через экзотику — к знаниям”. Было предложено более 30 тем по этнографии, истории, культуре, животному и растительному миру Сибири. Среди них такие как “Робин Гуды из Агинского”, “Внуки Тойбухаа”, “Приключения Нерпенка”, “Арктика закрыта на учет”, “Хочу стать дарханом”, “О чем рассказали пещеры”, “Путешествие на край света” и другие. К сожалению, планы эти пока не осуществляются из-за отсутствия средств на производство детских фильмов.

Не хотелось бы заканчивать свой рассказ о детском документальном кино Сибири на грустной ноте. Будем надеяться, что со временем мы станем богаче и сможем осуществить хотя бы часть наших планов.

ВОСПОМИНАНИЯ О Г. С. ВИНОГРАДОВЕ

ИЗ СЕМЕЙНЫХ ПРЕДАНИЙ И АРХИВА

Мать моя, Комина Елизавета Семеновна (1913-1969), до замужества Виноградова, еще в детстве много рассказывала о своем дядюшке Георгии Семеновиче Виноградове. Она говорила, что он был профессором в Иркутском университете, изучал жизнь и быт народов Сибири. Летом дома почти не бывал, так как для сбора материала уезжал, много ходил пешком, ночуя в домах крестьян. В лучшем случае нанимал лошадь, а чаще пользовался попутным гужевым транспортом, добираясь до самых дальних деревень к людям, которых ему указывали сами крестьяне. По словам матери, его особо интересовали “старые и бывалые”, кто много знал и помнил.

Зимой дядюшка читал студентам лекции, а ночами писал книги. Однако в нашем доме ни одной книги Г. С. Виноградова не было. Мать говорила, что их можно прочитать только в больших библиотеках.

В семейном альбоме была единственная фотография Г. С. Виноградова — визитка, наклеенная на небольшое полумягкое паспарту с округлыми углами. На фотографии — дядюшка, с длинными волосами, ниспадающими по обе стороны пробора, белая рубашка, в полоску галстук... Но не эти детали привлекали, а — взгляд из-под очков в легкой оправе: сосредоточенный, внимательный, кажется, проникающий в самую душу. Поэтому мама часто обращалась к дядюшке как живому, разговаривала с ним, объясняла:

— Это профессорская фотография, а вообще-то дядюшка был прост, любил деревенскую одежду, носил косоворотки, зимой ходил в длинном крестьянском полушубке.

Под фотографией, на белом паспарту рукою “дядюшки” мелким почерком, но видна четко каждая буква, было написано: “Моей черной маленькой племяннице на добрую память. Георгий Виноградов. 17.IV.1928 года”.

Зиму 1927-1928 г. г. мама жила в Иркутске, в Рабочей слободе, по ул. Знаменской, дом 67, кв. 2 (ныне улица Баррикад, 67 и двухэтажный дом по-прежнему цел). Из-за непролетарского и некрестьянского происхождения ее не приняли в школу, и отец Семен Семенович Виноградов вынужден был отправить дочь из Нижнеудинска к своему брату в Иркутск.

Георгий Семенович определил племянницу для занятий на дому к своему другу — учителю “всех знаний” Льву Георгиевичу Михалковичу, и благодаря этой домашней подготовке она не отстала от программы, в дальнейшем смогла продолжить обучение в Куйтунской школе II ступени с “педагогическим уклоном”, а еще позднее — закончить Тулунский учительский институт, в котором, кстати, в молодые годы преподавал русский язык и литературу Георгий Семенович.

Из рассказов матери хорошо помню ряд эпизодов. Но уместно привести тот, что характеризует Г. С. Виноградова.

Однажды мама побывала на богослужении в Казанской церкви вместе с бабушкой, матерью дядюшки Еленой Алексеевной, проживавшей в то время в семье сына.

— И что же тебе понравилось в церкви? — спросил дядюшка.

— Мне понравилась красивая шапка на священнике, — вылалила четырнадцатилетняя провинциалка, выросшая в селе Худоелань, под Нижнеудинском, — и золотой кафтан!..

— Шапка эта называется митра, а золоченая одежда на священнике — риза. Лизариза... А, кстати, как тебя мальчишки дразнят, скажи?..

Племянница доверчиво пересказала все уличные дразнилки, какие знала, не только про себя, но и про всех.

В дальнейшем дядюшка еще не раз заводил с нею беседы, выспрашивал, какие игры она знает, во что любит играть, как “считаются” ее подружки, когда разбиваются на две команды и т. д.

Замечу, что это была пора, когда Георгий Семенович Виноградов готовил к печати уникальный сборник-исследование детских игровых прелюдий “Русский детский фольклор”, книга 1-я, вышедший в Иркутске в 1930 году.

Детская память моей матери зафиксировала и печально-подавленное состояние дядюшки, который однажды, придя из университета, сказал:

— Меня обвиняют, что я — не красный профессор, что я мистик, что “отсекаю” марксизм. Я не понимаю, как можно по Марксу читать о заговорах народных знахарей?!

Уже тогда начиналась кампания травли ученых Иркутского университета. Одни погибли в лагерях и тюрьмах НКВД. Среди них археолог и этнограф Б. Э. Петри. Немногие возвращались, но с подорванным здоровьем, например, этнограф В. И. Подгорбунский, изувачивший быт “туземного” населения Сибири.

Когда я был уже студентом Иркутского университета (1955-1960), познакомился с художником Борисом Ивановичем Лебединским. Я знал, что он делал рисунки в книге Виноградова "Русский детский фольклор", что они "дружили семьями". Однажды мы гуляли по Иркутску и Борис Иванович заметил:

— Мы вот идем по асфальту, а я с твоим дедом по Большой улице ходил еще по деревянным тротуарам.

И, помолчав на ходу, добавил:

— Вовремя он уехал тогда из Иркутска в Питер. А вот меня достали... О подробностях расспрашивать я боялся — тогда еще боялись все. По окончании Иркутского университета я написал дипломное сочинение. В нем рассказал о научном творчестве Г. С. Виноградова, о его жизни. Тогда жива была еще вдова ученого Агриппина Иосифовна Татарина, которая жила в Омске и с которой я и моя мама переписывались. Ясно, что у меня был интерес не только к биографии ученого, но и филологический. А. И. Татарина несколько лет работала над материалами для биографии Г. С. Виноградова, ее поощрял в этом деле из Болшева писатель и литературовед Сергей Николаевич Дурылин, ему она пересылала машинописные листы своих воспоминаний, а по одному экземпляру отправляла мне (в архиве их более 400). К горькому сожалению, смерть С. Н. Дурылина (1954 г.) прервала работу над книгой. Я храню лишь 60 страниц машинописи его книги, которые никогда не публиковались.

Ныне время пришло.

По окончании университета я увлекся журналистикой, работал в газетах Иркутской области, а с 1965 года и по сей день — на Иркутском областном радио. По мере сил и способностей публикую заметки, статьи о Г. С. Виноградове, хотя они не научного стиля, газетного, но, думаю, кому-то покажутся интересными и нужными.

Моя поисковая работа в фондах Иркутского государственного архива, например, позволяет сказать однозначно, что Г. С. Виноградов родился не в 1887 году, а в 1886*.

Метрическая выпись (подлинник) и копии рукою Г. С. Виноградова хранятся в фонде 71; опись 2.

"В копии метрической книги Тулуновской Покровской церкви за 1886 г. значится записанным родившийся под № 57 апреля 9-го рожден, а 16 крещен Георгий.

Родители его: мещанин г. Нижнеудинска Семен Федорович Виноградов и законная его жена Елена Алексеевна, оба православного вероисповедания.

Восприемники его: поселенец Иосиф Тимофеевич Куфазнико и крестьянская жена Васса Ивановна Михеева.

Таинство крещения совершал священник Иннокентий Попов с псаломщиком Смирновым.

Выпись сия с подлинною метрическою записью согласна, в чем подписали и приложением церковной печати свидетельствуем

священник — Тархов

псаломщик — Н. Малов

М. П. 1918 г. сентября 10 дня."

А вот еще одно свидетельство — написанная рукою Г. С. Виноградова краткая биография, без даты, относящаяся к 1925-26 годам.

"Сын крестьянина, родился в с. Тулуне Иркутской губернии 9 апреля 1886 года. Казеннокоштным воспитанником обучался в общеобразовательных классах Иркутской духовной семинарии (1902-1906 г. г.). Годы 1911, 1912, 1913 учился на педагогических курсах Фребелевского Общества в Петербурге, одновременно работал в Биологической лаборатории имени Лесгафта под руководством проф. Метальникова. Тогда же начал педагогическую деятельность в качестве преподавателя на вечерних рабочих курсах при Лаборатории и популяризатора естественных наук в столичных журналах. В 1913 году оставил занятия естественными науками, уйдя в область народоведения. Занятия в Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук под руководством Штернберга, отчасти Чекановского, дали мне этнографическую школу.

В 1914 и 1915 г. г., ведя систематическую работу в Иркутской и Енисейской губерниях и в Красноярском музее, написал первый большой этнографический труд (по народной ме-

*Этой ошибки не удалось избежать А. А. Сириной в интереснейшей публикации "Выдающийся этнограф и фольклорист Г. С. Виноградов" (1887-1945) — Этнографическое обозрение, № 1, 1993.

дицине), напечатанный центральным Географическим Обществом и премированный серебряной медалью. Тогда же избран членом-сотрудником Русского Географического Общества по отделению этнографии. Имея необходимость прикрепить себя к деревенской обстановке в целях этнографических наблюдений, указанные годы учительствовал в начальной сельской школе (Коркино, Красноярского уезда). Получив приглашение занять место преподавателя Читинской женской гимназии и Коммерческого училища, перенес этнографическую работу в Читинский Музей (1915, 1916 г.).

1917-1920 г. г. состоял преподавателем сначала гимназии, затем учительской семинарии в Тулуно. В эти годы был избран членом Иркутской ученой Архивной Комиссии ВСОРГО.

В 1920 г. занял место зав. русским отделом Иркутского музея народоведения. В 1921 г. был зачислен профессорским стипендиатом при кафедре Истории Первобытной культуры в Иркутском госуниверситете. В 1922 году, после магистерского экзамена и защиты работы *pro venia legendi* был утвержден в звании преподавателя университета. В 1925 году избран и утвержден профессором. С 1923 г. состою соредктором журнала "Сибирская живая старина", состою членом Совета ВСОРГО.

Профессор Г. Виноградов".

Не могу не отметить, что Виноградовские чтения — это прекрасная возможность соединить научные поиски ученого с практикой наших дней по воспитанию детей на основе народной педагогики и детского устного творчества.

И еще. Если есть в Иркутском университете люди, думающие о чести вуза, они должны решить, как вернуть труды Г. С. Виноградова нынешним читателям, проявляющим заметный и все больший интерес к работам ученого. Тем более, что вуз располагает собственным издательством.

В. В. Комин, журналист, внучатый племянник
Г. С. Виноградова.

ТАКИМ ОН ЗАПОМНИЛСЯ

В 1918 году в Иркутске был открыт Государственный Университет. Он состоял из трех факультетов: медицинского, педагогического и ФОНа — факультета общественных наук.

В двадцатых годах на педфаке начал работать краеведческий кружок. К сожалению, его скоро “прикрыли”.

В кружок потянулись те, кого манила геология или этнография, ботаника, зоология позвоночных и беспозвоночных, история или фольклор. Руководители — профессора и преподаватели: М. К. Азадковский, А. В. Львов, В. И. Смирнов, Г. С. Виноградов, профессор Петри.

Мне запомнился один фольклорный вечер — концерт в актовом зале педфака, что на углу нынешних улиц Желябова и Сухэ Батора, по-старому Большой Трапезниковской и Тихвинской, где помещалась до революции Вторая Хаминовская женская гимназия. На сцене студентки-краеведы, ездившие летом в экспедицию, читали хорошие “крестьянские сказки”. А потом отметили 110-летие со дня рождения И. С. Тургенева. Тут нас всех ожидал сюрприз. Ведущий, профессор М. К. Азадковский, пригласил (“насилу уговорил”) очень пожилую даму, бывшую ученицу Полины Виардо. Она пропела какой-то романс на французском языке. Голоса у нее никакого не осталось (какой уж там голос в ее-то годы), но мы слушали, не шевелясь. Это была живая связь, эстафета. Из прошлого в настоящее передала мне ее моя память.

Такой же историей остался, как след из прошлого, Г. С. Виноградов. Я у него не училась. Он что-то преподавал “гуманитариям”, а я была на естественном отделении. Запомнился же целиком, и внешностью, и одержимостью. А связь — краеведение. Он был среднего роста. Темные волосы подрезал в кружок, и они закрывали шею. Лицо бритое. Обычно носил костюм черного цвета. Был собранным. Казалось, что он бережет каждый свой жест, так они бывали к месту и ко времени, ни торопливости, ни суеты. Ровный, спокойный, переполненный мыслями, которые нужно было передать другим, так как они того жаждали.

Р. А. Андреева, выпускница Иркутского Государственного Университета 1930 г.

ПРОФЕССОР ВИНОГРАДОВ

Мой отец Зырянов Дмитрий Иванович сдружился с сыном профессора Виноградова — Виктором, когда учился в пятом классе. Познакомился он с ним в доме своего одноклассника Игоря Госмера. Семья Госмеров была семьей потомственных учителей. Мать, тетя и дядя Игоря были педагогами, что называется “от бога”. К тому же, образование они получили еще до революции, поэтому уровень их знаний, культуры был очень высок. Вот к ним-то и ходил учиться сын Георгия Семеновича. Профессор Виноградов решил дать ему домашнее образование, потому что в советской школе в то время шли сплошные эксперименты. Например, детей в классе делили на группы и отметки ставили не каждому в отдельности, а сразу всей группе. Эта коллективная учеба приводила к тому, что кто-то один отдувался за всех, а остальные уроков не учили и ничего не знали.

Игорь, Виктор и мой отец — Дима — сдружились на долгие годы и были всегда неразлучны. Жили они по соседству, в предместье Рабочем, и, как это водится у мальчишек, по десять раз на дню бегали друг к другу в гости. Дом Виноградовых находился рядом с сегодняшним райвоенкоматом. Занимали они весь первый этаж. У профессора была роскошная библиотека, и мой отец — большой книголюб — брал у него книги. Георгий Семенович следил за тем, с кем дружит его сын. Поначалу он внимательно присматривался к Диме — не шпана ли он, потому что одет мой отец был бедненько, так как остались они вдовом с матерью без всякой помощи и поддержки. (Его отца — моего деда — управляющего и двоюродного брата купца Кухтерина — во время революции разорили и посадили в тюрьму. Потом, правда, выпустили, но он так и не смог оправиться от потрясения и скоро умер. Два старших брата отца — белые офицеры — потерялись на фронтах гражданской).

Профессор Виноградов полюбил Диму и часто беседовал с ним о прочитанных книжках. А когда мой отец подрос, увлекся рисованием, стал писать стихи, Георгий Семенович подолгу разговаривал с ним о литературе. Эти разговоры стали для отца настоящими университетами.

В обращении с людьми Виноградов был прост, демократичен и очень корректен, но порой и непреклонен. Если он кого-то не принимал, то умел поставить этого человека на место.

Летом Георгий Семенович отвозил сыновей Виктора и Алешку в деревню к деду, в Тулунский район. Дед был богатым крестьянином, имел большое хозяйство, много батраков. В селе, где он жил, ему дали прозвище Петушков. Получил он его за то, что имел обыкновение кричать на заре петушком, чтобы пораньше поднять своих работников и отправить их в поле. Внука он любил и баловал. Виктор, и без того имеющий склонность к некоторому фанфаронству, когда возвращался от деда, становился задавакой. Виноградову старшему это не нравилось, и он остроумно высмеивал сына, когда тот пытался прихвастнуть. Виктор уважал отца, дорожил его мнением и боялся выглядеть в его глазах смешным. Однажды, когда Игорь, Витя и Дима были уже парнями, Виктор разрядился, взял отцовскую трость и очки в красивой оправе и пошел с друзьями гулять. А надо сказать, что был он очень красив: высокий стройный блондин с мягкими волнистыми волосами и прекрасным бело-мраморным лицом. А в отцовских очках и с тростью он был неподражаем, ну просто лондонский дэнди. Он гордо шел впереди друзей, которые что-то горячо обсуждали и не очень-то обращали на него внимание. И вдруг они услышали треск — смотрят, а Виктор, который в отцовских очках почти ничего не видел, налетел на столб. Ребята, конечно, подняли его на смех, а он, подбирая осколки очков, твердил: “Только папе ничего не говорите, только папе ничего не говорите”, — вот как боялся он уронить себя в его глазах. Кстати, внешне Виктор не был похож на отца. Профессор Виноградов никогда не был красавчиком, но лицо у него было значительное, невольно привлекающее внимание. Он очень походил на Махно, и это сходство все замечали. Студенты педфака его так и звали — “батько Махно”, и он про это свое прозвище знал.

Семья Виноградовых жила дружно, счастливо. Но постепенно тучи стали сгущаться. От всех профессоров начали требовать, чтобы они изучали марксизм. Георгий Семенович никак на это не реагировал, политзанятий и прочей “муры” не посещал. Работала с ним на педфаке некая Римма Знаменская — эдакая “парттетя”. В молодые годы она уже успела получить какое-то там научное звание. Но Виноградов ее всерьез не воспринимал. Говорил, что она ограниченная наглая особа, к тому же с невероятным самомнением. Словом, типичная “красная профессура” — “выдвиженец”, сделавшая карьеру благодаря полит-

ической конъюнктуре. Дама чувствовала отношение к ней Георгия Семеновича. К тому же ей казалось, что он стоит на пути ее дальнейшего служебного продвижения. Ей не терпелось поскорее занять его место. Посетив лекции Виноградова, она обвинила его в отсутствии марксистского подхода к тем дисциплинам, которые он читал. Профессора стали таскать по разным оскорбительным для него сборищам, именуемым собраниями, на одном из которых он во всеуслышание заявил: “Ну знаете ли, марксизм, в конце концов, дело вкуса!” Вот это-то публичное заявление, как он потом говорил, ему и не простили. И где-то к осени 1929-го года он остался без работы. В это время мой отец по-прежнему бывал у них в доме. Георгий Семенович хоть и был удручен, старался не показывать вида. Говорил, что все к лучшему, что теперь он, наконец-то, завершит свои труды.

Был у него такой высокий стол-конторка. Когда бы к ним ни пришел — днем ли, вечером — Виноградов всегда работал стоя за этим столом. При этом часто повторял, что сидеть вредно, особенно вот так вот — целыми днями. А писал он тогда книгу “Судьбы восточных славян в Сибири”.

Жили они очень скромно, чтобы не сказать бедно, на зарплату жены-учительницы. Ко второй половине тридцатого года жить стало совсем трудно. Мой отец уже работал к тому времени грузчиком на нефтебазе, зарабатывая деньги и рабочую биографию, без которой ему, юноше, не имеющему рабоче-крестьянского происхождения, нельзя было и мечтать о дальнейшей учебе. Себе в напарники он взял и Виктора. Так они и катали вместе тяжеленные бочки с горючим.

Как-то мой отец пожаловался Георгию Семеновичу на свою работу, которая выматывала так, что по вечерам книги из рук валились. На что Виноградов ответил: “Вы даже не понимаете, как вы счастливы. Вы молоды, у вас все впереди, не пропало бы желание, а выучиться еще успеете. А еще у вас есть друзья, а это так важно. Трудные времена приходят. Главное, чтоб вы не предали себя, своих надежд и своих друзей!”

Это был один из последних их разговоров. Вскоре профессор Виноградов уехал в Питер, взяв с собой только тяжелейший чемодан с рукописями. По дороге этот чемодан из багажа исчез. Виктор говорил, что Георгий Семенович просто убит этой потерей и считает, что чемодан был изъят ГПУ. В чемодане были все его труды и научные материалы, которые он собирал всю свою жизнь...

Весной 31-го года началась очередная мобилизация молодежи на ликвидацию безграмотности. Моего отца и Виктора отправили в село Казачье Красноярского края (в то время Восточно-Сибирского). Виктор получал от Георгия Семеновича письма, в которых тот общался, что работает при какой-то библиотеке.

На семью профессора посыпались несчастья. Младшего сына Алешу забрали в армию, и там он где-то в 32-33-х годах погиб при непонятных обстоятельствах. Вернувшегося из села Виктора арестовали по ложному обвинению. И хотя его довольно скоро освободили, он, от греха подальше, уехал из Иркутска навсегда.

Уже после войны мой отец познакомился с Михаилом Михайловичем Устьянцевым, который когда-то учился с юным еще Георгием Виноградовым в Иркутске в духовной семинарии (здание которой, кстати, сохранилось до сих пор и находится в районе площади Декабристов — в нем расположилось какое-то СПТУ). Устьянцев вспоминал, что Виноградов пользовался среди семинаристов непререкаемым авторитетом. Он руководил революционным кружком, очевидно, эсеровского толка, так как во главу угла кружковцы ставили защиту интересов крестьян. Семинарист Виноградов имел из-за этого крупные неприятности. Руководители учебного заведения не раз увещевали его, говоря, что революционная деятельность несовместима с саном священника. На что Виноградов как-то весьма резко ответил:

“Что вы, монахи, понимаете в живой жизни. Вы же от нее десятью стенами отгорожены! А Христос всегда был вместе с народом!” Его слова семинаристы шепотом передавали друг другу.

Знал бы он тогда, чем все эти революции кончаются...

Записано Т. Д. Зыряновой со слов Д. И. Зырянова, 1910 г. рождения, иркутянина, фронтовика, образование высшее, из служащих.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ Г. С. ВИНОГРАДОВА

По материалам архива Иркутского областного краеведческого музея

Полная научная биография Георгия Семеновича Виноградова еще не написана. Но черновая работа по ее созданию проводилась долгие годы силами его близких — друга, писателя С. Н. Дурьлина (1886-1954) и ученицы, сподвижницы и супруги Г. С. Виноградова — Т. В. Инесиной (1907-1985). Последние 15 лет жизни Г. С. Виноградова его неотступно сопровождала Т. В. Инесина. “Мой верный оруженосец Санчо Танса” — писал о ней Виноградов.

Многочисленные рукописи, машинописные страницы воспоминаний о Г. С. Виноградове хранятся в Иркутском архиве.

Публикация записок Инесиной и записей самого Г. С. Виноградова, бережно переписанных в блокноты рукой Татьяны Васильевны, позволяет прикоснуться к жизни большого Ученого и Человека.

“Я рос замкнутым, одиноким мальчиком. Сверстников своих боялся, всегда их сторонился. Любимым моим занятием было уйти в огород, лечь на спину в траву среди крапивы, зарослей бурьяна, смотреть в голубое небо, следить за полетом облаков, слушать песни жаворонка. Лежал подолгу, утрачивая чувство времени, пока не позовет меня мать — Бог с тобой, где ты? (Так звала меня мать не только в детстве, но и всю жизнь). Я неохотно возвращался в мир действительности, но охотно пил молоко, которое мать или приносила мне, или звала домой и там давала пить”, — так вспоминает свои детские ощущения сам Г. С. Виноградов.

“1928 г. Университетская аудитория. Взволнованные студенты только что разошлись. Была лекция Г. С. Виноградова о заговорах. Его лекции вообще производили большое впечатление, а лекции о заговорах особенно всегда волновали и будоражили студентов. Помню (отвлекусь немного в сторону), когда гнали Г. С. из Университета, то некоторые из студентов после таких лекций с возмущением говорили: “Да он колдун, колдун...”

Все уже ушли после лекции. Остались я и Г. С. Виноградов. Георгий Семенович говорит: “Я знаю заговор и вот привяжу Вас к себе. Я смеялась. А вышло так, как он сказал. Привязал, да еще как! Так крепко, что вот теперь мне одной неуютно и холодно жить на земле, и я прошу его вымолить меня у Бога. И верно, что вымолит”.

(Запись в зеленом блокноте рукой Т. В. Инесиной)

Переписано из бумаг Георгия Семеновича

С 20.III лежу в госпитале № 108 (“Астория”, палата 412). Близок к освобождению от цынги. Многое можно было бы (а может быть, и следовало бы) записать, но нет еще сил на такую работу. Почти все время лежу, много думаю, а писать (и вообще что-нибудь, требующее некоторого усилия, какого-либо напряжения) — не выходит. Скоро, верно, выпишут.

Говорят, меня вписали в число читающих курсы в спроектированном лектории Академии наук. Если лекторы понесут свой труд бесплатно, то, это ясно, действительно буду читать, а если труд их будет оплачиваться, то — это тоже ясно — часов мне не дадут... .

Здесь отдыхаю от житья в углу проходной и почти всегда густо населенной комнаты, по которой часто пробегают злые духи. Такое темное, трудное полугодие (сентябрь — март)! Что бы я делал, не будь со мною постоянно СВЕТЛОГО ДУХА*

Вот опять не умер — на этот раз смерть прошла мимо, может быть, два раза. Как это так выходит? Все эти семь месяцев жизни беженца живу от утра к ночи, от ночи к утру, не думаю о дальнейшем, о больших сроках. Да и что придумаешь...”

“Зима 1942 г. Блокада”.

В стационаре (в Астории) лежал Георгий Семенович с дистрофией III ст. Везла я его туда на саночках. Раза три он падал с саночек и не мог подняться. Я с трудом, с помощью женщины, которая помогала мне везти больного, подымала его. “Опять умирающего привезли” — так встретили нас сестры в больнице!

Внизу, в одной из комнат исследовали Г. С. Виноградова врачи и направили его в палату, находящуюся на 3-м этаже. Не сразу это было. Сначала долго ждали очереди к врачу, долго и много всяких бумаг писали, долго слушали и выспрашивали больного. Наверх идти помогала сестра, поддерживая его с одной стороны, а я с другой. Больной задыхался, изнемогал. Хотели его на носилках нести, но носилок не оказалось (мало их было). Наверху опять в какой-то комнате приветливые врачи слушали больного. Прописали сердечные капли. Нако-

*Светлый Дух — так обращается Г. С. Виноградов к Т. В. Инесиной в письмах и своих дневниковых записях. — О. А.

нец, повели его в палату. Палата на четыре человека. Почти уютная, деревянные, хорошие, широкие кровати. Почти чисто. Нас встретил какой-то мужчина, высокий, тонкий в теплом желтом халате, с приятным лицом. Встретил удивительно ласково, как родных. Г. С. Виноградову он показал его койку, быстро и кратко объяснил больничные порядки. Меня успокаивал. Больному не дали теплого халата, и он уверил меня, что халат ему добудет. Просил не тревожиться о больном. Я долго сидела с милым Георгием Семеновичем.

Кормили там хорошо, но порции были маленькие. Давали каши, супы, масло, сахар, белую булку, даже вино красное. Поили витаминами, давали лук (хотя и мороженный).

Высокий приятный мужчина, оказался артистом Дашковым. У него был когда-то хороший голос, который почему-то испортился, и он пел в оперетте. Подружился он с Г. С. Виноградовым. Действительно заботился о нем, и халат ему тотчас выхлопотал. Когда он узнал, что Георгий Семенович профессор, причастен к литературе, попросил его прочитать ему лекцию о русской литературе. И вот Виноградов три ночи сряду (днем-то было шумно) читал ему о литературе русской, начиная с Нестора, летописца, и до наших дней. Слушатель был благодарный. Как рассказывал позднее сам профессор, он не спускал с него глаз, ловил каждое его слово. В благодарность он спел фальцетом всю Травиату. Это была 4-я ночь их беседы”.

“Больной был принят в стационар на 10 дней. Таков был порядок. Но на его счастье (недаром родился он в сорочке), ему попался прекрасный врач — женщина. С большим сердцем, с лаской в голосе, в глазах и, вероятно, с большим опытом в своем деле и знанием людей. Она сразу же взяла Георгия Семеновича под свое покровительство. Больной покорила ее своей кротостью, терпением, умением и желанием во всех положениях жизни находить всегда хорошие стороны. Вместо 10 дней продержала его месяц и собиралась еще держать его, пуская в ход все средства, возможные и невозможные. Но однажды пришел приказ свыше: в 24 часа освободить Асторию для военных раненых. Кто не мог еще ходить, тех развозили по разным больницам, а кто начинал едва ходить, тех выписывали с обязательством являться на осмотр в амбулатории.

И вот побрел тихо больной из Астории на Васильевский Остров на 6-ю линию... Его приятно волновало сознание, что вот он сам идет, что ноги его сами идут, хотя и с трудом. На мир он смотрел, словно воскресший от смерти. Да так оно и было. До того, как лечь в стационар, он лежал около 5 месяцев без ног (цинга изъела мышцы). К нему приходили друзья прощаться. Он каждую минуту ждал смерти, ждал покорно, без боли душевной, без сожаления. И так, когда Г. С. Виноградов добрал наконец до Андреевского рынка, и до дому ему оставалось, как говорят, рукой подать, тревога разразилась сильнейшим обстрелом, снаряды посыпались как горох, где-то близко падали, разрывались. Началось смятение...”.

Георгий Семенович только что “воскрес из мертвых” (дистрофия III ст., лежал 5 мес. без ног; попал под обстрел в Андр. рынке, семь трупов лежало рядом с ним, а он уцелел). Стали тихо воскресать к жизни, стали опять покупать книги. В. А. подарила ему письменный стол (настоящий), на котором он мог разложить свои материалы и бумаги. Светлая, большая комната (можно ходить по ней). Тишина в доме. Голова его стала крепнуть, мысль заработала интенсивно. Все начиналось после голода поправляться, оживать. И вот однажды 20 июня 1942 г. утром получаем бумагу: явиться в N N.

Там “вежливо” предложили эвакуироваться не позднее 24-го числа. Сказали об этом вежливо, но твердо. “Паспорт Ваш мы не опорочим” — ответили также вежливо на вопрос Георгия Семеновича.

Жизнь потухла в глазах и во всем его лице, когда я встретила Виноградова после похода в N N. Стали собираться спешно, пугливо, с обидой на мир...

... После этого горя мой бедный страдалец уже не оправился. Ему подрезали крылья, подрезали несправедливо, больно, грубо, жестоко. Мы скитались три года. За это время, тяжелое, тягостное, голодное для Георгия Семеновича и началась его болезнь, стубившая его преждевременно, погубившая талант. За что?...”

“В Угличе я живу почти четыре месяца (эвакуирован из Ленинграда в конце июня текущего года), не имея ни комнаты, ни угла, перебиваясь в прихожей, обслуживающей две квартиры, — без окна, без освещения”, — пишет Виноградов в официальном заявлении на предмет общежития 22.10.42 г.”

“В продолжении пяти месяцев я не могу связаться с Институтом языка и мышления. Только вчера получил телеграмму от В. И. Чернышова, давшего мне совет обратиться к Вам.

Пользуясь сообщенным в телеграмме адресом, пишу Вам с надеждой на удачу.

Прежде всего я должен дать отчет о своих служебных занятиях.

По плану работы Института, на мне лежало

1) чтение рукописи III тома словаря современного русского литературного языка и 2) работа исследовательского характера под названием "Наблюдения над языком русских загадок", часть которой должна быть законченной в 1942, часть — в 1943 году.

Первый пункт моих работ отпал с момента оставления мною Ленинграда, 24 июня; единственный экземпляр рукописи, оказавшийся в Институте, я не мог рискнуть взять с собою в дорогу, осторожность моя нашла одобрение со стороны администрации Института. И второй пункт моего плана оказался трудновыполнимым — из-за отсутствия главнейшей литературы (текстов) в очень бедных библиотеках Углича.

... Оказавшись жителем малоизученной местности со старым русским населением, я решил, что мне следует взять на себя выполнение такой работы, которая, отвечая задачам нашего Института, с наибольшим удобством могла бы быть здесь выполнена. И я в июле же занялся 1) наблюдением за здешними говорами, имея в виду, при благоприятных условиях, составить диалектологический очерк Угличского края, и сборами материалов для Ярославского областного словаря.

Замену намеченных в Ленинграде тем работы новыми темами я просил утвердить Администрацию Института, но ответа (как и на все мои письма и телеграммы) не получил.

Наблюдения над говорами я вел, придерживаясь объема академической программы; одни части заполнились довольно полно, другие нуждаются в дополнительных материалах. Продолжение этой работы связано с побывками "на местах" в разных частях бывшего Угличского уезда.

При сборах материалов для областного словаря я пользуюсь не только собственными записями, но и печатными местными источниками.

Если работа моя, поскольку о ней можно судить по моему сообщению, не вызывает возражений, то я могу ли надеяться на получение зарплаты за июль и следующие месяцы?"

"В музее в Угличе, публика была разношерстная, но лекции слушала хорошо. Присутствовал директор музея Б. А. Дмитриев, москвич, музыкант, поэт в душе; художник П. Д. Бучкин (угличанин по рождению, жил в Ленинграде); С. Е. Стефанович, учитель, человек образованный, начитанный, но странный. Мы звали его "пан Твардовский". Г. Д. Дробот; хохлуша, служила гидом в музее. Приходила еще пара Г. С. и И. П. Калмыковых, (ленинградцы). Лекции: 1) Обзор Епархиальных ведомостей (Ярославских): масса этнографического материала.

2) О сказках. 3) О краеведческих задачах и еще несколько (забыла!).

Собрал материал о первом угличском историке Кисселе (интереснейший), но доклад сделать на успел. Собрал материал об угличском говоре, но тоже не успел его отделать".

"Углич. 1942 г. Зима. Маленькая продолговатая комната. Слева лежанка, направо в углу стол. Темные зимние вечера. Горит коптилка. Пламя колеблется от ветра, который проникает в щели окна, в щели стен. Холодно. Но лежанка теплая, и на ней лежит Георгий Семенович. Худенький, бледный, тоскующий, недомогающий. Я читаю Фета вслух. Читаю стихотворение, где он пишет о могиле Н. Я. Данилевского. Виноградов, волнуясь, болезненно воспринимает каждую строку этого стихотворения (и не только этого). Последние стихи он долго полупешком повторял (и потом всегда любил их вспоминать) "ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал"...

... Довольно часто навещал Георгия Семеновича директор тамошнего музея Б. А. Дмитриев. Беседовали часа по четыре. Бедный больной мой лежит на лежанке усталый, бледный, или говорит, или слушает. Слушал он другого отменно хорошо, как никто. Приходил художник П. Д. Бучкин. Этот больше все о себе говорил. Седой, а хвастун.

И однажды навестил его С. Е. Стефанович, поляк, музыкант бывший, учитель педучилища. Угостили мы его на славу. И он разговорился так откровенно. И в его высказываниях было что-то таинственное, судьба его какая-то странная, немного жуткая: какие-то преследования, бегство, укрывательство и подобное.

И все они, эти путники случайные, были привязаны к Георгию Семеновичу. Все к нему шли откровенно, с доверием. Он словно магнит притягивал их к себе. Б. А. Дмитриев объяснял это обаянием его нравственной чистоты".

"1943 г., а может быть, конец 1942 г.

В Угличе, когда он читал лекцию о Кольцове в педучилище, то молодежь учащаяся си-

дела словно замороженная. Потом говорили: “Вот это профессор. Теперь мы знаем, что значит профессор. Два часа говорил и без единой бумажки в руке. Стоит и говорит. Два часа говорил. Вот это профессор!”.

“28 авг. Успение. 1943 г.

“Вошли” в комнату (7 кв. метров), 2 окна (с железными решетками), мебель — одна кровать; остальное составляется из чемоданов и узлов... Еще ничто прочно не налажено — ни занятия, ни питание.

29.VIII.

Много лежу, немножко почитываю английскую беллетристику, но так немножко, что можно было бы и не упоминать об этом...

30.VIII.

Библиотека им. Пушкина. Знакомились с каталогами. Мне не показалось, что в ней порядки образцовые. Но библиотека произвела все же хорошее впечатление, — может быть, потому, что “имени Пушкина”...

2.IX — 1943 г. Библиотека им. Пушкина.

Физически чувствую себя плохо, но в этой библиотечной обстановке — легче.

4.IX.

Несколько дней назад случайно открыл Тургенева “Записки охотника”, кой-что прочитал и вижу: прежняя затея, связанная с перечитыванием этого автора, ненапрасна.

8.IX.

Вчера в библиотеке не был, много лежал, зато хорошо подумалось над работой о Дале. Жаль, нет со мной материалов, собранных в Ленинграде”.

“Алма-Ата. Комната 6 1/2 на двоих. Утро. Георгий Семенович в постели, т. к. я занимаюсь хозяйством, а двоим ходить по такой площади тесно. Виноградов обычно лежал с охотой и пел. Много пел. Иногда это было церковное пение (любил), иногда шутовское, или пел народные песни: (семинарская): “Лети, мой челн, раздумий полн”. Или песнь гр. Шереметьевой “... ты отколь, отколь така красотка, из которого села...”

“Алма-Ата. 1943 г.

Саксаул — местное азиатское растение. Саксаулом топили печь. На растопку покупали еловые, сосновые, реже березовые дрова. Эти дрова Г. С. называл православными.

— Какие дрова сегодня купила? — спрашивал Виноградов, когда я приходила с рынка.

— “Православные”.

— А “православные”, люблю православные дрова”.

“18 июня 1945 г.

Уходя в больницу, мы помолились, ты благославил меня, я тебя благославила. Но в больнице нас не приняли в этот день: было поздно. Я очень огорчилась, т. к. тебе стоило больших трудов дойти до больницы, но ты тихо сказал мне:

— Нет, ничего, даже хорошо еще одну ночь поспать дома”.

“Июль 1945 г. Ленинград.

В. И. Чернышев написал маленький некролог о Г. С. Виноградове. Но некролог нигде не напечатали.

“17 июля 1945 г. в 5 1/2 часов вечера после тяжелой болезни скончался известный ученый, работающий в области литературоведения, лингвистики и фольклора, доктор филологический наук Г. С. Виноградов.

Последние годы его трудовой жизни перед Отечественной войной, во время войны и после нее отдал работе по Словарю современного русского литературного языка, готовя к печати вместе с погибшим во время войны М. К. Клеманом II и III-й томы названного словаря.

Товарищи по словарной работе и лица, знавшие покойного Г. С. Виноградова по его многосторонним и ценным научным работам, высоко оценивают его труды и глубоко сожалеют о свершившейся большой научной утрате.

Георгий Семенович Виноградов скончался в таком возрасте, в каком мог бы еще немало поработать для науки, вооруженный большим исследовательским опытом, отдающийся научному труду с любовью и энергией.

Заведующий Словарным отделом института русского языка член-корреспондент АН СССР В. Чернышев” (и подписи других сотрудников).

Подготовка текстов О. А. Акулич

НОТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

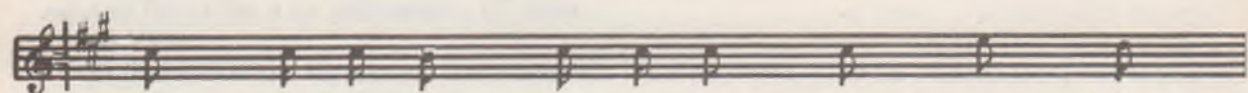
№ п/п	Наименование произведения	Автор	Жанр	Год
1	Симфония № 1	М. И. Глинка	Симфония	1825
2	Симфония № 2	М. И. Глинка	Симфония	1835
3	Симфония № 3	М. И. Глинка	Симфония	1845
4	Симфония № 4	М. И. Глинка	Симфония	1855
5	Симфония № 5	М. И. Глинка	Симфония	1865
6	Симфония № 6	М. И. Глинка	Симфония	1875
7	Симфония № 7	М. И. Глинка	Симфония	1885
8	Симфония № 8	М. И. Глинка	Симфония	1895
9	Симфония № 9	М. И. Глинка	Симфония	1905
10	Симфония № 10	М. И. Глинка	Симфония	1915

Музыкальный редактор
И. И. Иванов
Составил
М. М. Петров
Издательство
«Музыка»

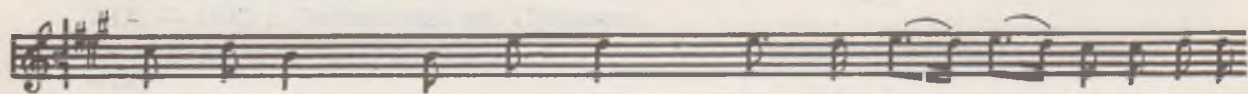
Я ПО ЖЕРДОЧКЕ ШЛА
(хороводная песня)

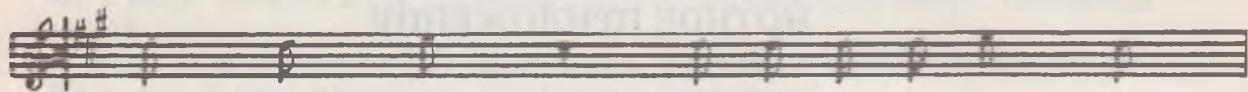
1. Я па жё_ рда_чке шла да, я па то_ нень_ка_ю да е_та

жё_ рда_чка гнё_ ца, не ло_ ми_ ца да.

2. Е_ та жё_ рда_чка гнё_ ца, не ло_ ми_ ца да сами_

лым дру жком жить не сто_шни_ ца да.

3. Са ми_ лы_ м(ы) дру_ жком жить не сто_шни_ ца, а е_сли

сто_шни_ ца да ра_згу_ля_ е_ ца да.

1. Я по жердочке шла да,
Я по тоненькой да
Эта жердочка гнется,
Не ломится да.

2. Эта жердочка гнется,
Не ломится да
Со милым дружкой
Жить не стошнится да.

3. Со милым дружкой
Жить не стошнится,
А если стошнится да
Разгуляется.

4. А если стошнится да
Разгуляется,
Ой, навстречу милой
Кафтан голубой.

5. Кафтан голубой да
Штаны фанзовые,
Ой, штаны, мои штаны, да
Вы по золоту ткани.

6. Ой, штаны, мои штаны, да
Вы по золоту ткани да,
По-немецки кроены да,
По-грецки, по-грецки.

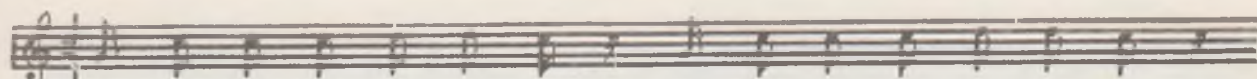
Иркутская область
Эхирит-Буллагатский район
п. Усть-Ордынский.

Исполнитель: Татарина Е. М. 1914 г. р.

Запись и расшифровка: Белобородовой Н. М.

Нотация: Баруткиной Е. А.

ПОЛЫНЬ ГОРКАЯ
(хороводная песня)

1. Ты па_лынь, ма_я па_лынь, ты па_лынь, ма_я па_лынь,

па_лы-ни(и) го_рька_я, па_лы-ни(и) го_рька_я.

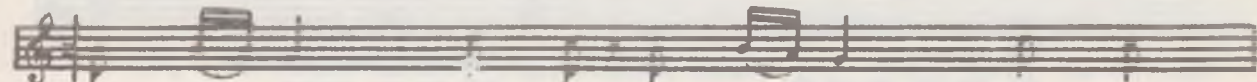
2. Ты ни днём взашла па_лын_ка, ты ни днём взашла па_лын_ка

пе_ре-д(ы) ве_чи_рам, пе_ре-д(ы) ве_чи...

3. За_ни_ла га_рька па_лын_ка, за_ни_ла га_рька па_лын_ка,

в са_ду ме_сти_чка, в са_ду ме_сти_чка.

1. Ты полынь, моя полынь,
Ты полынь, моя полынь,
Полынь горькая,
Полынь горькая.	5. Как у нас было во саде,
Как у нас было во саде,
Три забавушки,
Три забавушки.
2. Ты ни днем взошла полынка,
Ты ни днем взошла полынка,
Перед вечером,
Перед вечером.	6. Уж как первая забава,
Уж как первая забава,
Виноград цветет,
Виноград цветет.
3. Заняла горька полынка,
Заняла горька полынка
В саду местечко,
В саду местечко.	7. А вторая-то забава,
А вторая-то забава,
Соловей песни поет,
Соловей песни поет.
4. Место добро, земля черна,
Место добро, земля черна,
Черноземная,
Черноземная.	8. А уж третья-то забава,
А уж третья-то забава,
Ко мне миленький идет,
Ко мне миленький идет.

Иркутская область
Эхирит-Булагатский район
п. Усть-Ордынский.

Исполнитель: Татарина Е. М. 1914 г. р.
Запись и расшифровка: Белобородовой В. В. 1994 г.
Нотация: Баруткиной Е. А.

КАК У КЛЮЧИКА
(хороводная)

1. Как у клю_ чи_ ка, да у ки_ пу_ че_ ва,
ой, лю_ ли, лю_ ли у ки_ пу_ че_ ва.

1. Как у ключика да
У кипучего,
Ой, лю-ли, лю-ли
У кипучего.
2. У колодечка ох,
У глубокого,
Ой, лю-ли, лю-ли да
У глубокого.
3. Там да черен бобер да
Ой, купается,
Ах, лю-ли, лю-ли да
Той купается.
4. Ни черен бобер да
Полоскается,
Ой, да лю-ли, лю-ли
Полоскается.
5. Будем да бобра бить,
Будем шубку шить,
Ах, да лю-ли, лю-ли
Будем шубку шить.
6. Шубочка боброва да,
Девка черноброва да,
Ай, лю-ли, лю-ли,
Девка черноброва.
7. Девка черноброва да
Не люби лихого,
Ой, лю-ли, лю-ли,
Не люби лихого.
8. Он да тебя не любит
Только сушит, крушит,
Ай, лю-ли, лю-ли
Только сушит, крушит.
9. Из белого лица да
Румянец выводит,
Ох, лю-ли, лю-ли
Румянец выводит.

Иркутская область
Эхирит-Буллагатский район
п. Усть-Ордынский.

Исполнитель: Татарина Е. М. 1914 г. р.

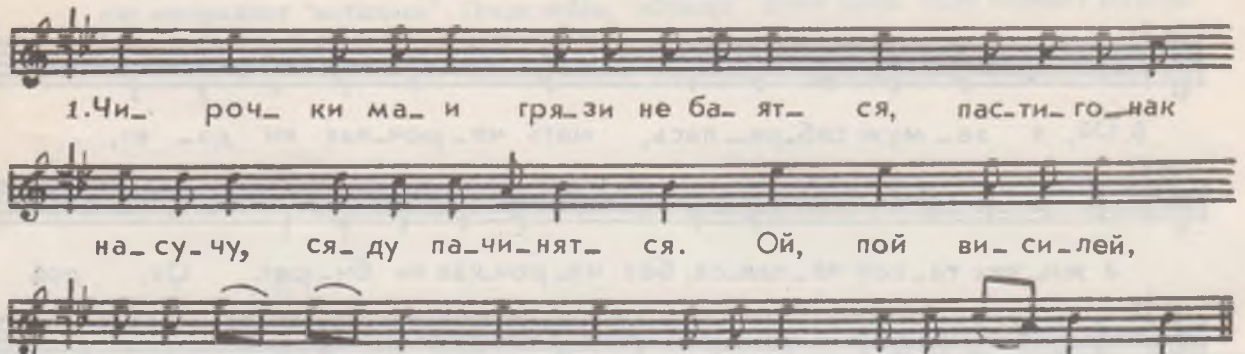
Запись и расшифровка: Белобородовой 1994 г.

Нотация: Баруткиной Е. А.

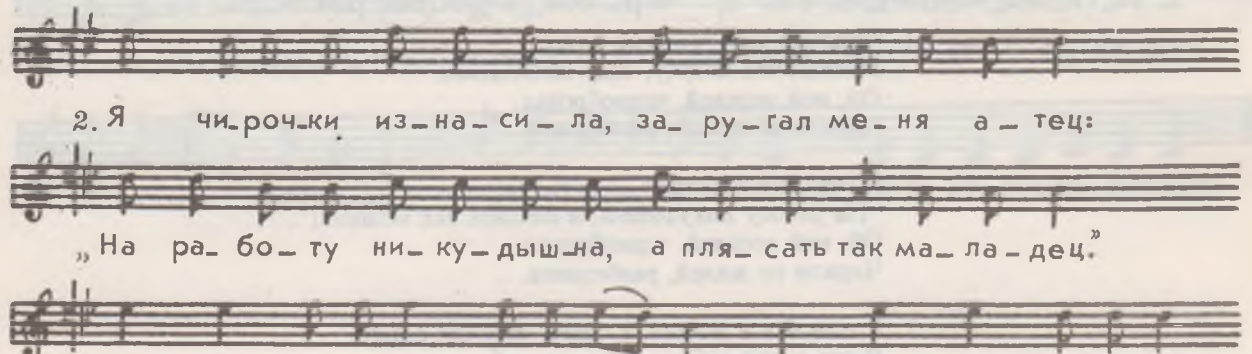
1-3 такты. Хоровод двигался приставным шагом в одну сторону.

4-6 такты. Участники хоровода останавливались и хлопали на каждую четвертную ноту. Использовали: заслонки, деревянные ложки. Хоровод сопровождали балалайка и скрипка.

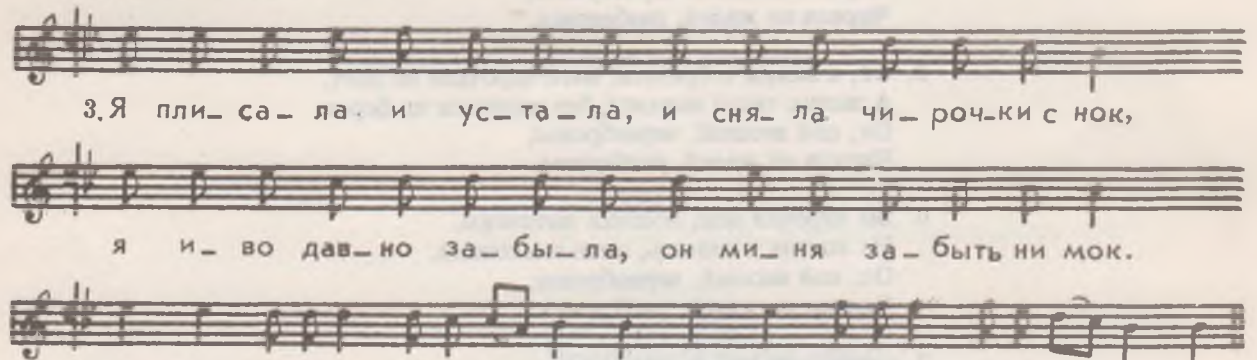
ЧИРОЧКИ
(частушки)

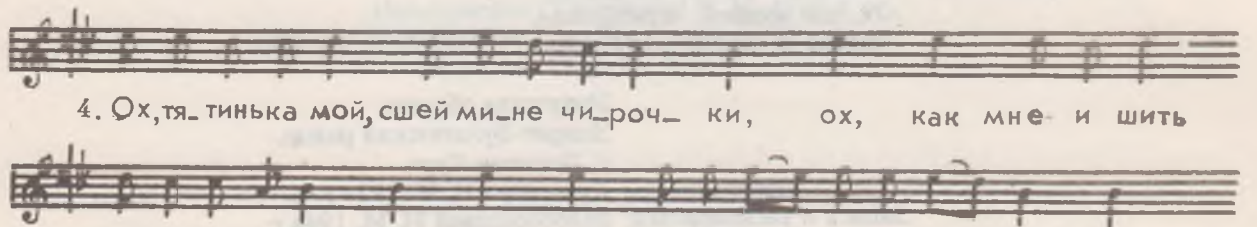
1. Чи_ роч_ ки ма_ и гря_ зи не ба_ ят_ ся, пас_ ти_ го_ нак
на_ су_ чу, ся_ ду па_ чи_ нят_ ся. Ой, пой ви_ си_ лей,
чер_ набро_ ва_ я, чер_ ков ни жа_ лей разбе_ до_ ва_ я.

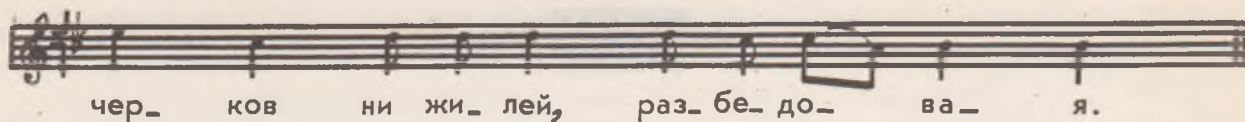
2. Я чи_ роч_ ки из_ на_ си_ ла, за_ ру_ гал ме_ ня а_ тец:
„На ра_ бо_ ту ни_ ку_ дыш_ на, а пля_ сать так ма_ ла_ дец.“
Ой, пой ви_ си_ лей, чер_ набро_ ва_ я, чер_ ков ни жа_ лей
раз_ би_ до_ ва_ я.

3. Я пли_ са_ ла и ус_ та_ ла, и сня_ ла чи_ роч_ ки с нок,
я и_ во дав_ но за_ бы_ ла, он ми_ ня за_ быть ни мок.
Ох, пой ви_ си_ лей, чер_ набро_ ва_ я, чер_ ков ни жи_ лей, разби_ до_ ва_ я.

4. Ох, тя_ тинька мой, сшей ми_ не чи_ роч_ ки, ох, как мне и шить
для лю_ бимай доч_ ки. Ох, пой ви_ си_ лей, чер_ набро_ ва_ я

чер_ ков ни жи_ лей, раз_ бе_ до_ ва_ я.

ви_ си_ лей, чернабро_ ва_ я, чир_ ков ни жи_ лей разби_ до_ ва_ я.

1. Чирочки мои грязи не боятся,
Постигонки насучу, сяду починяться.
Ой, пой веселей, черная,
Чирков не жалею, разбедовая.
2. Я чирочки износила, заругал меня отец:
"На работу никуда, а плясать так молодец".
Ой, пой веселей, черная,
Чирков не жалею, разбедовая.
3. Я плясала и устала, и сняла чирочки с ног,
Я его давно забыла, он меня забыть не мог.
Ой, пой веселей, черная,
Чирков не жалею, разбедовая.
4. Ох, тятенька мой, сшей мне чирочки,
Ох, как мне и шить для любимой дочки?
Ох, пой веселей, черная,
Чирков не жалею, разбедовая.
5. Ой, я замуж собралась, мать чирочков не дает,
А жених такой попался, без чирочков не берет.
Ох, пой веселей, черная,
Чирков не жалею, разбедовая.
6. Вы чирочки мои, носочки выточены,
Не хотела я плясать, сами выскочили.
Ох, пой веселей, черная,
Чирков не жалею, разбедовая.
7. Чирочки у нас, у всех новые,
Плясать пойдем, разбедовые.
Ох, пой веселей, черная,
Чирков не жалею, разбедовая.

Иркутская область.

Эхирит-Булагатский район.

д. Большая Кура.

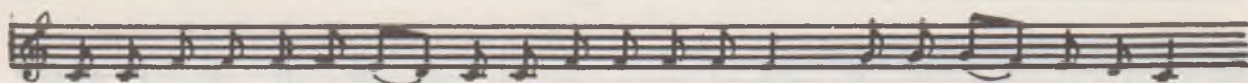
Исполнитель: Кузнецова Н. М. 1924 г. р.

Запись и расшифровка: Белобородовой Н. М. 1994 г.

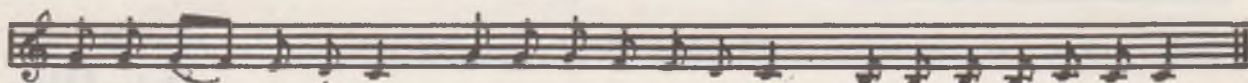
Нотация: Харитоновой А. А. 1995 г.

МОТЫЛЕК-ПОКОЙНИЧЕК
(детская игра)

Дети становятся в круг. Один участник становится на середину круга. Все поют. Участник изображает "мотылька". После этого, "мотылек" ловит ребят. Если поймает кого-нибудь, пойманный становится "мотыльком".

Мо_ ты_ лёк-по_ кой_ ни_ чек, у_ ми_ рал во вто_ рни_ чек. Е_ го ста_ ли ка_ дить,

он гла_ зам не гля_ дит. Е_ го ста_ ли от_ пе_ вать, он за де_ вушкам бе_ жать.

Иркутская область
Эхирит-Булагатский район
п. Усть-Ордынский.

Исполнитель: Татарина Е. М. 1914 г. р.
Запись и расшифровка: Белобородовой Н. М.
Нотация: Сырцова А. Г.

БОЖЬЯ КОРОВКА
(приговорка)

Бо- жья ко- ров- ка! Ле- ти на не- бо, при- не- си нам хле- ба:

чер- но- го, да бе- ло- го, толь- ко ни го- ре- ло- го.

Обращаясь к божьей коровке, подбрасывают ее вверх.

Иркутская область
Эхирит-Булагатский район
п. Усть-Ордынский.

Исполнитель: Татарина Е. М. 1914 г. р.
Запись и расшифровка: Белобородовой Н. М.
Нотация: Сырцова А. Г.

БРИЧИНЬКА

(шуточная)

Ой, бри- чинь- ка, да зе- ле- нё- шень- ка, ка- ла бри- чи-
_ньки ста- я- ла ма- ла- дё- шинь- ка. А Си- дор ба- ню
про- да- ет, Си- да- ри- ха не да- ет. Си- да- ри- ха- та бы-
_ла пра- дать ба- ню не да- ла.

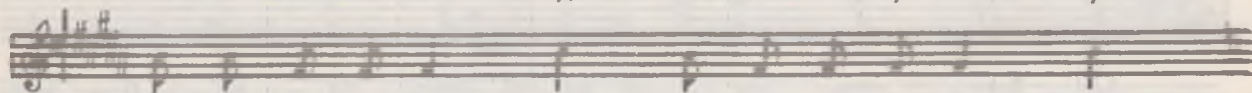
Иркутская область
Эхирит-Булагатский район
п. Усть-Ордынский.

Исполнитель: Татаринова Е. М. 1914 г. р.
Запись и расшифровка: Белобородовой Н. М.
Нотация: Сырцова А. Г.

ВАНЬКА-КОЛОМЕНСКИЙ МУЖИК
(шуточно-игровая)

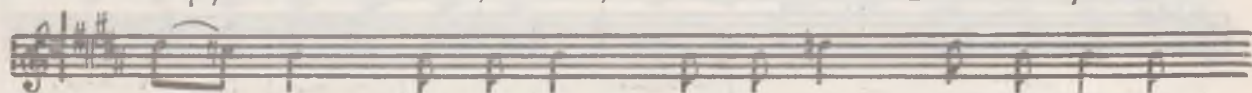
1. Па_ шёл Вань_ка по ва_ ду, на_ шел чаш_ку со_ ло_ ду.

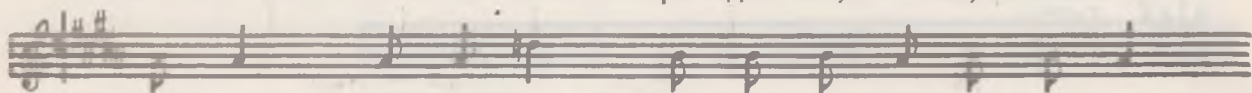
2.(3.4) За_ ва_ рил ку_ лаш_ ку, сбе_ гал па На_ таш_ ку.

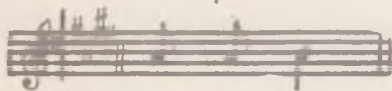
5. Жа_ ру ни слы_ха_ ла, ой, Вань_ ка-ка ло_ менский му_ жик.

6. На что ми_ ня мать ра_ ди_ ла, ой, та_ ко_ ва

ха_ ро_ шинь_ка_ ва, ши_ лу_ ди_ ва_ ва при_ го_

_ жинь_ка_ ва.

1. Пошел Ванька по воду,
Нашел чашку солоду.

2. Заварил кулашку,
Сбегал по Наташку.

3. Пробуй-ка, Наташка,
Сладка ли кулашка?

4. Сладка медовая,
В печке не бывала.

5. Жару не слыхала,
Ой, Ванька-коломенский мужик.

6. На что меня мать родила,
Ой, такого-то хорошенького.

7. Шелудивого, пригоженького?
Нельзя мне к обедне ходить.

8. Нельзя мне молебны служить,
На меня люди зарятся.

9. А попы зачитаются,
Дьякона-то запинаются.

Иркутская область
Эхирит-Булагатский район
п. Усть-Ордынский.

Исполнитель: Гущина А. И. 1912 г. р.
Запись и расшифровка: Белобородовой Н. М. 1994 г.
Нотация: Харитоновой А. А. 1995 г.

У КАТЮШИ МУЖ ГУЛЯКА
(шуточная)

У Ка_тю_ши муж гу_ ля_ га, у Ка_тю_ши муж гу_ ля_ га,
ба_ ры_ ня ты ма_ я, су_ да_ ры_ ня Ка_ тя.

1. У Катюши муж гуляка,
У Катюши муж гуляка,
Барыня ты моя,
Сударыня Катя.
2. Он гуляка-забияка,
Он гуляка-забияка,
Барыня ты моя,
Сударыня Катя.
3. Он почаще к Кате ходит,
Он побольше денег носит,
Барыня ты моя,
Сударыня Катя.
4. Когда руб, когда полтину,
Когда руб, когда полтину,
Барыня ты моя,
Сударыня Катя.
5. Когда синеньку бумажку,
Когда ситцу на рубашку,
Барыня ты моя,
Сударыня Катя.
6. Когда серы на жвочек,
Когда сахару кусочек,
Барыня ты моя,
Сударыня Катя.

Иркутская область
Эхирит-Буллагатский район
п. Усть-Ордынский.

Исполнитель: Гущина 1912 г. р.

Запись и расшифровка: Белобородовой Н. М.

Нотация: Сырцова А. Г. 1995 г.

СЛОВО ТВОЕ
(колядка)

Сло_во Тва_ё, Хрис_те Бо_же на_ше_во, си_я_нья же
и свет ра_зу_ма, не_ба звез_дам слу_жа_щи, звез_до_ю
ча_хуй_ся. Те_бе кла_ни_м(ы)_ся, Солн_це прав_да, Те_бе
ви_дим мы с вы_са_ту Вас_то_ка: „Гос_па_ди,
Сла_ва Ти_бе!“

Слово Твое, Христе Боже
Нашего, сиянья же и свет разума,
Небо звездам служащи, звездой чахуйся.
Тебе кланемся, Солнце правда,
Тебе видим мы с высоты Востока:
“Господи, Слава Тебе!”

Колядующие подходили к дому и кричали:

Здравствуйте, хозяйюшка с хозяином!
Не дадите пирога, то корову за рога.
Не дадите гривну, то коня за гриву!

После этих слов исполнялась колядка.

Иркутская область
Эхирит-Булагатский район
п. Усть-Ордынский.

Исполнитель: Татарина Е. М. 1914 г. р.
Запись и расшифровка: Белобородовой Н. М. 1994 г.
Нотация: Харитонова А. А. 1995 г.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Е. Тугутов. Г. С. Виноградов — выдающийся этнограф	1
А. С. Сирина. Г. С. Виноградов. Некоторые акценты в изучении научного наследия	4
Е. И. Шастина. Г. С. Виноградов. Традиции и современность восточносибирской фольклористической науки.	6
Л. С. Любимов. Иркутский журнал “Сибирская живая старина”	8
О. А. Акулич. Архив Г. С. Виноградова в фондах Иркутского краеведческого музея.	10
Ю. И. Баландин. Музей Г. С. Виноградова в городе Тулуне Иркутской области	11
В. П. Владимирцев. Детский фольклор и этнография детства в творческих произведениях Ф. М. Достоевского	12
И. Е. Мазилкина. Поэтика “детского сознания” в творчестве Хармса	14
Ю. В. Орлицкий. Детский фольклор и русская поэзия 1970-1980-х г. г.	16
И. И. Плеханова. Ужасное и смешное в современном детском фольклоре	18
И. Г. Бухарова. “Слова блещут, звенят музыкой...” (о приеме “реализации” метафор в детской книге)	20
М. Р. Ульянова. Традиционные праздники как форма проявления народной педагогики (на основе современных устных рассказов крестьян-сибиряков)	22
П. А. Апакаев. Принципы народной педагогики в эпическом творчестве финно-угорских народов Поволжья и Прикамья.	24
У. Алеуов. Вопросы воспитания детей в творческом наследии Аль-Фараби	25
Н. И. Новикова. Некоторые аспекты традиционного воспитания одаренных детей у народов Севера	26
К. И. Лабанаускас. Традиционное трудовое воспитание у таймырских ненцев.	28
Л. В. Артемова. Социальные источники и институты национального воспитания дошкольников	30
О. В. Маан. Общество сверстников (аикулацва) в культуре абхазов во второй половине XIX — начале XX в. в.	32
Б. В. Горбунов. Взгляд этнографа на некоторые попытки возрождения русских народных военно-спортивных игр	33
Б. В. Горбунов. Старинная народная русская игра “Взятие снежного городка”	35
А. Д. Назаркин. Из опыта работы детского этнографического ансамбля Иркутского фольклорного клуба	36
О. Н. Прокопец. Опыт и проблемы фольклорно-этнографической деятельности учреждений культуры Тульской области.	37
Д. В. Соколов. Культурно-просветительные организации подростков в молодежном движении России (1916-1917 г. г.)	39
М. В. Семенцов. Детская народная медицина кубанских казаков (по полевым материалам 1983-1991 г. г.)	41
А. К. Бобков. Декабристы и дети (некоторые проблемы воспитания и обучения детей в общественно-политической деятельности декабристов в Сибири)	43
Т. Д. Зырянова. Документальный экран Сибири — детям	44
 ВОСПОМИНАНИЯ О Г. С. ВИНОГРАДОВЕ	
В. В. Комин. Из семейных преданий и архива.	47
Р. А. Андреева. Таким он запомнился.	50
Т. Д. Зырянова. Профессор Виноградов.	51
О. А. Акулич. Последние годы жизни Г. С. Виноградова. По материалам архива Иркутского областного краеведческого музея	53

1. Введение

2. История создания

3. Состав жюри

4. Правила конкурса

5. Условия участия

6. Порядок подачи заявок

7. Сроки проведения

8. Места проведения

9. Контактная информация

10. Приложение

Иркутский областной центр творчества и досуга
664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 14, а/я 4119
Муз. редактор Е. Каплунова
Ответственная за выпуск Л. Лейченко
Лиц. ЛР N 030125 Тип. ВМО Тираж 500 экз.

